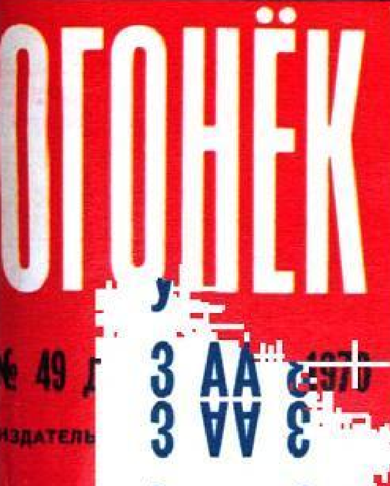
3 из 23.400.000

МОЛОДЫХ РАБОЧИХ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2266)

5 ДЕКАБРЯ 1970

«УМОМ И СЕРДЦЕМ ЗНАЮТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ, ЧТО СИЛА ИХ — В КРЕПКОМ ЕДИНСТВЕ, В ГОТОВНОСТИ ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ, СООБЩА ДВИГАТЬСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ—К КОММУНИЗМУ».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Ереване.

Большой и радостный праздник пришел на древнюю землю Армении. Республика отмечала славный юбилей — полвека исполнилось Советской Армении и ее Коммунистической партии. Со всех концов страны съехались гости в солнечный край.

В Ереван из Будапешта прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома КПСС тов. В. В. Гришин, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС тов. Г. В. Романов.

В гостях у юбиляра — делегации всех союзных республик, городов-героев Москвы, Ленинграда, Вооруженных Сил СССР.

В Ереване, на площади имени В. И. Ленина, собрались тысячи трудящихся столицы республики. Сюда, к памятнику В. И. Ленину, пришли товарищи Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители Компартии и правительства Армении. Здесь же делегации, гости, прибывшие на юбилейные торжества.

К памятнику В. И. Ленину были возложены венки. Венок от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР возложил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Товарищ Л. И. Брежнев и другие почетные гости Армении посетили Выставку достижений народного хозяйства республики.

Затем товарищ Л. И. Брежнев встретился с рабочими химического комбината имени Кирова, совершил поездку по Еревану. С большим интересом он знакомился со столицей Советской Армении, ее историческими памятниками, архитектурными ансамблями. Вечером товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, руководители Компартии и правительства Армении посетили знаменитый Матенадаран — хранилище древних рукописей.

29 ноября в столице республики состоялось торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Армении и Верховного Совета Армянской ССР с участием представителей партийных, советских, общественных организаций и воинов Советской Армии.

Под бурные, продолжительные аплодисменты собравшихся места в президиуме занимают товарищи Л. И. Брежнев, П. Е. Шелест, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители Коммунистической партии и правительства Армении, главы делегаций, прибывших на торжества, видные советские военачальники.

С докладом «50 лет Армянской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Армении» выступил первый секретарь ЦК КП Армении А. Е. Кочинян.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Все встают. В зале вспыхивает бурная, продолжительная овация. Речь товарища Л. И. Брежнева неоднократно прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами.

Товарищ Л. И. Брежнев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Армянской ССР орденом Октябрьской Революции и под бурную, долго не смолкающую овацию прикрепил этот орден к знамени республики.

Товарищ Л. И. Брежнев передал президиуму торжественного заседания текст приветствия от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

С приветствиями к братскому армянскому народу обратились руководители делегаций, прибывших на юбилейные торжества.

В Ереване, на площади имени В. И. Ленина, состоялись военный парад и демонстрация трудящихся. Бурными аплодисментами встретили собравшиеся появление на центральной трибуне Л. И. Брежнева, П. Е. Шелеста, В. В. Гришина, Д. А. Кунаева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, руководителей Компартии и правительства Армянской ССР, глав делегаций, прибывших на торжества.

В этот же день ЦК Компартии Армении, Президиум Верховного Совета Армянской ССР, Совет Министров республики устроили прием в честь 50-летия установления Советской власти в Армении и образования Коммунистической партии Армении. На приеме с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Армении вручается орден Октябрьской Революции.

Ереван. 29 ноября 1970 года. В президиуме торжественного заседания ЦК Компартии Армении и Верховного Совета Армянской ССР.
Фото В. Егорова и В. Мусаэльяна (ТАСС).

ПРАЗДНИК НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ

В зале заседания.

Фото А. Пахомова и Б. Соколова («Правда»).

5 ДЕКАБРЯ — ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР

СВЯЩЕННОЕ ПРАВО

Право на образование!.. Священное право овладевать сокровищами человеческой культуры, завоеванное в Октябре 1917-го. Оно не только гарантируется советскому человеку бесплатностью обучения с малых лет, но и строго обязательно для всех: страна идет ко всеобщему среднему образованию.

К услугам юношей и девушек, как и этих студенток, сфотографированных нашим корреспондентом в аудитории Ташкентского университета, тысячи институтов, университетов, техникумов.

К услугам юношей и девушек, как и этих трех ребят, что на обложке нашего номера, тысячи профессионально-технических училищ, в которых каждый может приобрести полюбившуюся рабочую профессию.

В СОВЕТСКИХ ВУЗАХ ОБУЧАЕТСЯ СТУДЕНТОВ ПОЧТИ В ТРИ РАЗА БОЛЬШЕ, ЧЕМ В АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, ИТАЛИИ И ФРГ, ВМЕСТЕ ВЗЯТЫХ.

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ БОЛЕЕ ЧЕМ В 70 РАЗ БОЛЬШЕ СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ, НЕЗАКОНЧЕННЫМ ВЫСШИМ И СРЕДНИМ СПЕЦИАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ, ЧЕМ БЫЛО ДО РЕВОЛЮЦИИ.

КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ НАУЧНЫЙ РАБОТНИК ИЗ ВСЕХ НАСЧИТЫВАЮЩИХСЯ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ ТРУДИТСЯ В СССР.

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ В ПОХОД ЗА ЗНАНИЯМИ — В ШКОЛЫ, УЧИЛИЩА, НА КУРСЫ, В ВУЗЫ, ТЕХНИКУМЫ, АКАДЕМИИ — ОТПРАВИЛИСЬ 80 МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН.

Такого размаха в народном образовании не знает ни одна страна мира!

ТРОЕ ИЗ 23 400 000

Они работают на Подольском машиностроительном заводе имени Орджоникидзе: Александр Юткин и Владимир Никишин — токарями, Евгений Ярморочкин — слесарем. Они совсем еще молоды, но новичками на заводе их уже не назовешь: специальности, полученные в Государственном профессионально-техническом училище № 27, позволили им стать полноправными членами рабочего коллектива.

Судьбы ребят сошлись в одной колее, когда после восьми лет занятий в школе каждый из них написал заявление: «Прошу принять меня в профтехучилище...»

Что побудило их свернуть с привычного маршрута школа — институт?

У Александра и Евгения родители работают, семьи живут в достатке. В школе ребята учились неплохо. Можно было, конечно, и в вуз пойти.

— Но я решил,— рассказывает Евгений Ярморочкин,— последовать примеру отца. Он слесарем работает. По-моему, это отличная специальность. А каждый выбирает, что ему по душе. Соблазнило и такое обстоятельство: в ГПТУ за два года и специальность получишь и среднее образование. В училище вместе со мной поступало еще несколько ребят из нашей школы. Одни пошли в токарную группу, другие — в электросварочную, а я — в слесари. Теперь понимаю, за что отец свою работу любит... После армии скорее всего на завод вернусь, потом буду в техникум поступать. В общем, мне моя дорога ясна.

Примерно на той же позиции и Александр Юткин. У него есть и такие соображения:

— Хочется скорее самостоятельным человеком стать, профессию получить. А если в вуз идти, значит, еще несколько лет родителей обременять. Да и попадешь ли сразу в институт? Думаю, что правильную дорогу выбрал.

У Володи Никишина иное положение: надо было скорее подключать свой вклад в семейный бюджет. Он закончил профтехучилище и пришел на завод не учеником, не «подмастерьем», как говорили раньше, а знающим токарем. Сейчас он один из лучших токарей цеха.

Так вот и определяли свой маршрут эти трое из 23 400 000 молодых рабочих, подготовленных Советским государством в профессионально-технических учебных заведениях за последние тридцать лет. В какой-то мере им повезло, что живут они в Подольске, где есть одно из лучших в стране ГПТУ № 27. Оно стало как бы своеобразным цехом завода имени Орджоникидзе. И не случайно директор завода А. А. Долгий, проводя регулярные обходы своего предприятия, начинает их с профтехучилища. Это целый учебный комбинат. Аудитории его размещены в светлом трехэтажном корпусе, учебно-производственные мастерские оборудованы новейшими станками, аппаратами и установками, переданными сюда заводом. Есть у училища свой актовый и спортивный залы, библиотека, столовая и предмет зависти всего Подольска — закрытый плавательный бассейн. Сейчас завершается строительство Дома технического творчества учащихся, где будут работать радиотехническая, столярно-модельная, механосборочная мастерские. К лету откроется стадион ГПТУ...

...Сотни молодых рабочих пришли из классов ГПТУ № 27 на завод имени Орджоникидзе. Трое из них смотрят на вас с первой обложки этого номера «Огонька».

Б. СМИРНОВ

Участники совещания в перерыве между заседаниями.

Фото А. Геринаса.

СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА НАШЕГО ГОСУДАРСТВА

Они ближе всего стоят к населению, они привлекают широкие массы трудящихся к участию в демократическом управлении государством. Это — самое массовое в нашей стране звено народной власти. Речь идет о сельских и поселковых Советах депутатов трудящихся.

В БОЛЕЕ ЧЕМ 44 ТЫСЯЧАХ СЕЛЬСКИХ И ПОСЕЛКОВЫХ СОВЕТОВ СТРАНЫ РАБОТАЮТ СЕГОДНЯ ПОЛТОРА МИЛЛИОНА ВЫБОРНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДА. В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННЫХ КОМИССИЙ ЭТИХ СОВЕТОВ УЧАСТВУЕТ ОКОЛО МИЛЛИОНА СЕМИСОТ ТЫСЯЧ АКТИВИСТОВ.

В Москве состоялось Всероссийское совещание председателей исполкомов сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся.

Тепло встретили собравшиеся появление товарищей Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, И. В. Капитонова.

На совещании с докладом «О выполнении постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся» и задачах сельских, поселковых Советов депутатов трудящихся Российской Федерации по достойной встрече XXIV съезда КПСС» выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов. Он глубоко проанализировал деятельность местных органов власти, их заботу о развитии сельскохозяйственного производства, о выполнении широкой программы, направленной на стирание граней между городом и деревней.

На заключительном заседании с речью «О некоторых важных задачах сельских и поселковых Советов» выступил тепло встреченный участниками совещания член Политбюро ЦК КПСС, секретарь Центрального Комитета КПСС М. А. Суслов.

Участники совещания единодушно приняли письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

ДОБРОСОСЕДСТВО

27 ноября исполнилось 100 лет со дня рождения бывшего президента Финляндии Юхо Кусти Паасикиви. Его деятельность, направленная на установление подлинно добрососедских отношений между Финляндией и Советским Союзом, получила всеобщее признание.

Как сегодня продолжается и развивается «линия Паасикиви»? — с таким вопросом корреспондент «Огонька» Н. Крылова обратилась к послу Финляндии в Советском Союзе Бьерну-Олафу Алхольму.

Ю. К. Паасикиви в рабочем кабинете. 1955 год.

— В историю развития дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом,— сказал Б. Алхольм,— 1970 год войдет как один из наиболее важных: во время официального визита президента Финляндской Республики Урхо Кекконена в июле этого года в Москве был подписан Протокол о досрочном продлении срока действия заключенного 6 апреля 1948 года финляндско-советского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи еще на двадцать лет. Протокол недавно единогласно одобрен парламентом Финляндии и ратифицирован в обеих странах.

Это знаменательное событие отражает наше искреннее желание и дальше развивать и укреплять основанные на дружбе, добрососедстве и взаимном доверии отношения между Финляндией и Советским Союзом.

Хорошие, добрососедские отношения между Финляндией и Советским Союзом ныне принято считать само собой разумеющимся и вполне нормальным фактом. Основоположником политики основанных на доверии отношений стал бывший президент Финляндской Республики Юхо Кусти Паасикиви, столетие со дня рождения которого торжественно отмечалось в Финляндии и в Советском Союзе. Финляндия испытала счастье иметь в послевоенные годы президента, глубокого знатока исторического развития отношений между нашими странами, обладающего большой политической мудростью и трезвым взглядом на реальности жизни.

Президент Паасикиви уже в декабре 1944 года так определил задачу внешней политики нашей страны:

«Главным и определяющим во внешней политике Финляндии является отношение нашей страны к великому восточному соседу — Советскому Союзу... Мир и согласие, а также добрососедские отношения с Советским Союзом, основанные на полном доверии, являются первым принципом, которым следует руководствоваться в нашей государственной деятельности».

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и Советским Союзом покоится на четко обусловленной президентом Паасикиви формулировке реальностей, господствующих в финляндско-советских отношениях. Принимая во внимание интересы обеих стран, договор в течение десятилетий доказал надежность политики финляндско-советской дружбы и политики нейтралитета Финляндии.

Политика Паасикиви завоевала поддержку народа Финляндии. Ее талантливо продолжает и развивает нынешний президент Финляндии Урхо Кекконен. Отношения между нашими странами неуклонно углубляются и становятся все более разносторонними.

Товарообмен между нашими странами стал еще более оживленным и продолжает успешно развиваться. Активно развивается взаимный обмен в области культуры.

Исходя из бесспорного успеха и полезности Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также принимая во внимание срок его действия, договор можно считать основным, магистральным документом наших отношений.

Практика показала, что, придерживаясь политики нейтралитета, мы могли успешно укреплять дружбу с Советским Союзом в соответствии с принципами мирного сосуществования. Мы готовы и впредь развивать эту политику, отвечающую интересам наших обеих стран.

«Писатели освободившихся стран, народы которых строят новую жизнь, отдают свой талант и энергию возрождению лучших национальных традиций и развитию культуры, отвечающей потребностям полного освобождения своих народов, интересам трудящихся, ликвидации эксплуатации человека человеком. Завоевание независимости, развитие просвещения и культуры небывало расширили читательскую аудиторию. Страстное слово писателя, идущего с народом и работающего для народа, обретает в этих условиях особую силу. Прогрессивное содержание его творчества служит воспитанию стойкости и мужества, интернационалистских и патриотических чувств, поднимает их на борьбу против империализма, колониализма, против всех форм расового, национального и социального угнетения».

Из приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева IV конференции писателей стран Азии и Африки.

СНОВА Н

А. СОФРОНОВ

Вот и Дели, ночной, тихий Дели, прохладный воздух, мерцающие звезды в черном небе.

Совсем недавно, в феврале этого года, были мы здесь с Камилем Яшеном, вот так же ночью прилетели в Дели — для того, чтобы встретиться с индийскими и египетскими писателями и обговорить все вопросы, связанные с проведением IV конференции писателей стран Азии и Африки.

Теперь мы прилетели уже на самую конференцию, делегация советских писателей и делегаты многих других стран. Четырнадцать лет прошло с тех пор, как здесь же, в Дели, состоялась Первая конференция писателей стран Азии — первый камень в фундаменте боевой солидарности в творческой деятельности писателей двух великих континентов. Что произошло с тех пор? Как выполнили писатели Азии и Африки долг перед своими народами, ведущими ни на минуту не прекращаемый бой за свободу и независимость?

Еще в Москве мы встретились с писателями из Демократической Республики Вьетнам и Республики Южный Вьетнам.

Замечательный вьетнамский писатель То Хоай рассказал нам, как помогают писатели ДРВ своему народу — все подчинено достижению победы над американскими злобными агрессорами. Палестинский поэт Муин Бсису с гневом рассказывал об американских и израильских провокаторах, устроивших кровавую междоусобицу в Иордании: «Я был там в эти дни. Видел сотни мертвых на улицах Аммана. Именно там я словно бы оглянулся назад, в те глубины, которые приводят к таким страшным последствиям. Наше единство — вот что страшит и приводит в неистовство наших врагов».

Мы вспоминали потом слова Муина Бсису.

В самом Дели не все оказалось простым и безоблачным.

Накануне открытия конференции индийские писатели пригласили делегатов конференции на дружескую встречу.

Традиционный индийский чай в одном из залов Дома науки был в полном разгаре, когда послышались в коридоре чьи-то выкрики с угрозами в адрес организаторов конференции.

Один из индийских делегатов конференции сказал нам:

— Это те, кто получает подачки от американцев. Американцы не брезгуют ничем, они покупают даже тех, кто, прикрываясь «левыми» фразами, пытается сорвать конференцию.

Когда мы выходили после встречи из Дома науки, на улице стояли полицейские...

На многих конференциях пришлось побывать нам, но, пожалуй, еще нигде не было такого начала. И невольно подумалось: значит, прогрессивные писатели Азии и Африки стоят на правильном пути, если так устрашающе и раздражающе действует слово литератора.

Помнится, четырнадцать лет назад тоже не все безоблачно было на нашей первой конференции, но тогда ограничилось дело двумя-тремя выступлениями, утверждавшими, что главной дорогой литературы является ее отход от политики, искусство ради искусства и еще что-то в этом роде. Сейчас идеологическая борьба принимает все более напряженный характер. Основным аспектом наших противников является антикоммунизм и антисоветизм.

К лауреату премии «Лотос», одному из старейших индийских поэтов, доктору Баччану, обратился некий корреспондент из журнала «Динман». Накануне конференции это интервью было опубликовано. Мне представляются интересными ответы индийского поэта.

ВОПРОС. Господин Баччан, как Вы считаете, должен ли писатель примыкать к какому-либо лагерю? Должен ли он находиться под влиянием какой-либо идеологии?

БАЧЧАН. С самого начала своего творческого пути мы обычно примыкаем к какой-то системе или организации. Постепенно она устаревает, и против отжившего назревает недовольство и разочарование. Это недовольство и разочарование принимает особенно острые формы у писателей. Для того, чтобы наполнить жизнью свое творчество, необходимо улавливать и соответствующим образом отражать эти чувства. Если же писатель попытается подавлять эти чувства, этот протест против устаревших форм жизни, а будет поддерживать эти формы, то его произведения сразу же станут бесцветными, потеряют жизненность, слинялют. Сегодня писателю самому нужно решать, до какой степени ему следует быть связанным с той или иной организацией, примыкать к тому или иному лагерю.

ВОПРОС. Какую пользу Вы видите в конференции солидарности афро-азиатских писателей? Вряд ли подобные конференции могут способствовать повышению мастерства писателей. Не думаете ли Вы, что подобные конференции писателей могут служить целям поддержки лишь какой-то определенной политической линии? Как же Вы можете участвовать в подобной конференции, придерживаясь таких взглядов?

БАЧЧАН. Я согласен с целями и задачами этой конференции, поэтому я в ней и участвую. Потому что для современных писателей необходимы и крайне важны прогрессивность, свобода и мир.

ВОПРОС. Но эти все слова могут толковаться по-разному... Сами ли Вы будете вкладывать определенное содержание в эти слова на конференции?

БАЧЧАН. Писатели должны обладать трезвым рассудком. Я согласен с содержанием, которое вкладывается в эти слова, поэтому я и участвую в этой конференции... Я считаю себя свободным. Я не повторяю чьи-то чужие слова. Кто вкладывает истинное, правильное содержание в эти термины, тот должен участвовать в конференции. Тем же, кто их трактует по-иному, нечего делать на этой конференции, а следует организовать другое собрание...

ВОПРОС. Какие союзы и какие политические организации могут лишать писателей свободы?

БАЧЧАН. В своей стране я хочу полной свободы для писателя и всегда буду хотеть этого и во имя этого готов бороться даже и в одиночку. Я первым подниму голос в защиту свободы писателя, если увижу, что кто-то ей угрожает. Потому что, кроме как от своего правительства, я не хочу ни от кого никаких преимуществ для наших писателей. В других странах, прежде всего в коммунистических, писатели пользуются большими благами... Если бы я был писателем этих стран, я бы не пользовался услугами других стран для того, чтобы напечатать свою собственную книгу. Если те люди, для кого я пишу, о чьей судьбе рассказываю, не смогут прочитать мои произведения, то какой же тогда смысл в моем творчестве? Обычно такая книга становится средством пропаганды, и ничего больше...

Уже позже, выступая на торжественном заседании конференции, посвященном столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, доктор Баччан говорил о том, какое огромное значение имели ленинское учение, большевизм для его родной страны, для всего индийского народа.

Так, в борениях, мы и пришли к открытию IV конференции афро-азиатских писателей, вспомнившей устами индийского писателя Мулк Радж Ананда, что семена солидарности афро-азиатских писателей были посеяны на берегах Джамны при участии Джавахарлала Неру.

Но тогда здесь, в Дели, были только писатели Азии. Теперь же зал конференции заполнили представители африканских и азиатских литератур. О чем же они говорили? Что владело их мыслями?

— Наша страна была тюрьмой для непримиримых. Безработица душила нас. Наши страны малы и бедны, но богаты человеческим достоинством. Мы сумеем погасить пламя насилия и зажечь пламя свободы. Надо, чтобы засверкали истинные ценности. Наши народы должны жить в оптимальных условиях. Перед нами, как маяки, Маркс и Энгельс, Великая Октябрьская революция, совершенная во главе с Лениным. Мы творим не для того, чтобы существовать, а существуем для того, чтобы творить, звать к победе наши народы. На этой конференции наше сознание должно еще больше укрепиться в победе нашего дела.

Это говорил страстный поэт из Дагомеи Пруденсио.

Один из старейших деятелей афро-азиатской ассоциации, глава японской делегации Иосио Хотта, рассказывал:

— На первой конференции в Дели я был единственным делегатом от Японии. Помню, Неру усадил меня рядом с собой. Но тогда у нас не было общей темы. Он не знал Японии, я не знал Индии. Мы беседовали о французской литературе. Когда я оглядываюсь назад, вижу, что прошедшие годы очень знаменательны. Мы должны еще больше знать друг друга. Был длинный путь. На этом пути мы приобрели много друзей. Мы здесь все вместе, а в это время американские бомбардировщики пытаются разрушить нашу дружбу и любовь, бомбя Вьетнам. Но мы уверены, что наше дело победит.

Мы давно знали талантливого малийского поэта Гауссу Диавара. В Москве он закончил Литературный институт имени Максима Горького. Разговаривая с ним, мы не пользовались услугами переводчика: он хорошо знает русский язык.

— Нас привело сюда единство цели. Империализм США имеет еще большую силу. Он пользуется ею, как может. Но мы противостоим ему. Наша задача — воспевать новый гуманизм. Выявлять человеческое в человеке. Малийские писатели — прежде всего борцы за светлое будущее...

После закрытия конференции в беседе с нами Диавара сказал:

— Мы очень ждем, чтобы в Мали приехали советские поэты. Мы любим страстную, революционную поэзию Советского Союза.

Уже получил большую известность в нашей стране молодой монгольский писатель Тудев. Он был главой делегации монгольских литераторов. Выступая, Тудев говорил:

— В 1971 году наш народ будет праздновать 50-летие монгольской революции. Она была рождена русской революцией, рождена Октябрем. Достижения МНР являются результатом труда народа и роста культуры. Наша литература отличается ясностью содержания, ее

А БЕРЕГАХ ДЖАМНЫ

Премьер-министр Индии Индира Ганди среди лауреатов премии «Лотос».

прямой направленностью. Наши писатели встречались с великим Лениным. Тот, кто идет по пути Ленина, тот обретает счастье. Мы никогда не свернем с ленинского пути. В нашей стране не существует противоречий между литературой и партией.

Сомалийский писатель Абдуллахи Араб заявил:

— Советский Союз — родина социализма. Он помогает народам земли освободиться от колониальной системы. Наши писатели посвящают свои произведения обличению империализма и сионизма. Империализм рассчитывал, что после кончины Гамаль Абдель Насера арабские народы будут разъединены. Нет. Мы сплачиваем еще больше свои ряды. Писатели должны работать во имя солидарности наших народов, должны своими произведениями ковать единый фронт во имя нашей победы.

Писатель Секу Талл из Верхней Вольты страстно произносил:

— Писатель должен говорить только правду. Он должен принимать активное участие в идеологической борьбе. Писателей пытаются покупать. Но мы презираем писателей, которые торгуют своей совестью, продают интересы своих народов.

Мы рады приветствовать на этой конференции наших братьев — писателей Советского Союза, писателей из социалистических стран Европы.

Страстную речь произнес палестинский поэт Муин Бсису:

— «Когда я слышу слово «культура», я тянусь к пистолету». Вы помните, чьи это слова? Теперь этот девиз гитлеровцев приняли израильские агрессоры. Мы встретились лицом к лицу с врагом. Враг жесток беспредельно. Но его жестокости мы противопоставляем мужество. Приведу пример. Один из наших бойцов распространял листовки. Его схватили враги и арестовали. Они требовали, чтобы он топтал те самые листовки, в которых был огненный призыв к борьбе. Он отказался. Отказался и погиб. Наши бойцы стоят прямо, как деревья. Писатель — это боец. Чернила должны превращаться в оружие, а не в грязь. Мы берем пример с советских писателей, твердо идущих по ленинскому пути. Путь этот открылся в октябре 1917 года. У истоков этого пути стоял Ленин.

...Выступление за выступлением, речь за речью. Каждое слово глубокое и образное. Выступления писателей, определивших свое творческое и политическое кредо.

— Народ строит баррикады у дверей поэтов. Поэт не может остаться за закрытой дверью. Поэт может быть полезен только тогда, когда он не занимается словесной игрой,— говорит представляющий Конго (Браззавиль) Тати Лутор.— Нас связывают не только языки, география, расовые признаки. Нас связывают общие идеи. В глубине души мы говорим на одном языке — языке единства и солидарности. Каждая книга — это место встречи писателя с читателем. Поэтому каждый из нас должен понять высокое место творца, формирующего души читателей.

Хорошо известный в Советском Союзе писатель из Южной Африки, лауреат премии «Лотос» Алекс Ла Гума сказал:

— Наш народ сражается за свою свободу с оружием в руках. Писатели в одних рядах с бойцами свободы. Мы выражаем глубокую солидарность с борьбой вьетнамского народа, борьбой арабских народов. Каждый из нас является и писателем и солдатом. У нас в руках и перо и винтовка. Мы представляем миллионы людей. Мы вынуждены защищать наши культурные ценности от варваров. Писатель не может, не имеет права отделить себя от народа. Писатель должен быть на одной из двух борющихся сторон. Третьего пути для него нет. В ЮАР прогрессивным писателям просто запрещают писать. В 1968 году были запрещены тысячи книг. Я знаю одного писателя в Англии, который за три изданных книги заработал столько, сколько зарабатывает мусорщик за год. Когда об этом сказали одному из членов парламента, тот ответил: «Пусть переменит профессию или пишет что-либо другое». Так мир империализма расправляется с неугодными ему писателями.

Писатель из Судана Абдула Ибрагим говорил:

— Наша конференция объединена одной темой: «Революция и творчество». Литература имеет прямой доступ к сердцам народов. Это все налагает на нас особые обязательства. Взаимосвязь литературы с народными массами является стимулом для нашей работы. Владимир Маяковский не боялся, что революционные массы во время Октябрьского штурма уничтожат Кремль. Те, кто пытается уйти в башню из слоновой кости, будут забыты. Трудящиеся массы являются динамической силой. Место писателей — в их рядах.

Опытом работы советских литераторов поделился Камиль Яшен:

— Многонациональная литература нашей страны за ту половину столетия, в течение которой крепнет и развивается первое в мире государство победившего социализма, накопила богатый опыт.

Все народы нашей страны обрели возможность свободно развивать свои творческие силы, свою самобытную национальную культуру. И в этом мы видим живое и наглядное воплощение идей интернационализма.

Достаточно привести хотя бы несколько цифр. До Октябрьской социалистической революции литература в России создавалась и печаталась всего на двадцати языках. Многие народы нашей страны не имели в то время даже своей письменности. В 1934 году, к Первому съезду писателей, у нас уже была литература на 40 языках. Сегодня писатели СССР пишут на 72 языках. Советский читатель знает и любит русских писателей Горького и Шолохова, казахов Мухтара Ауэзова и Габита Мусрепова, узбеков Гафура Гуляма и Зульфию, таджика Мирзо Турсун-заде, аварца Расула Гамзатова, киргиза Чингиза Айтматова, балкарца Кайсына Кулиева, азербайджанцев Мехти Гусейна, Мирзу Ибрагимова, туркмена Берды Кербабаева, чукчу Юрия Рытхэу, грузина Григола Абашидзе, кабардинца Алима Кешокова и многих других. Их книги читают не только в Советском Союзе, их переводят на многие языки мира.

Речь, полную горечи и страсти, произнес лауреат премии «Лотос», арабский поэт из Израиля Махмуд Дервиш:

— Мои стихи стали моим паспортом. Это паспорт борьбы за свободу. Палестинский народ существует и будет существовать, как бы ни старались империалисты и сионисты. Израильское правительство — правительство предателей своего народа, лживо оплакивающее свои жертвы. Мы обязаны развеять эту ложь. У меня израильский паспорт. Я сознательно остался там. Мы верим, что все люди — евреи и арабы, населяющие Израиль, могут жить в согласии. Поэтому мы приветствуем Коммунистическую партию Израиля, равно поддерживающую обе нации, населяющие Израиль.

Мы благодарим советских друзей, оказывающих всемерную помощь арабским народам.

Великий Октябрь изменил мир, и нет таких сил, которые могли бы остановить победоносное движение народов.

...Выступают писатели Замбии, Алжира, Цейлона, Мадагаскара, Гамбии и многих других стран... Каждый вносит свою лепту в копилку творческого опыта прогрессивных писателей Азии и Африки.

Слушая их выступления во время конференции, беседуя в перерывах между заседаниями, долгими делийскими вечерами, мы чувствовали, как окрепло мировоззрение, выкристаллизовалось понимание необходимости единства афро-азиатского широкого писательского движения вопреки всем попыткам расколоть его, подорвать единство, столкнуть писателей на литературные обочины.

Поэтому и было особенно волнующим и по-своему торжественным заседание конференции, во время которого премьер-министр Индии Индира Ганди вручала премии «Лотос».

Вьетнамский писатель То Хоай.

Писатель из Южной Африки Алекс Ла Гума.

Арабский поэт Махмуд Дервиш.

Индийский поэт Баччан.

Советская поэтесса Зульфия.

Все они приняли из рук Индиры Ганди медали лауреатов премии «Лотос».

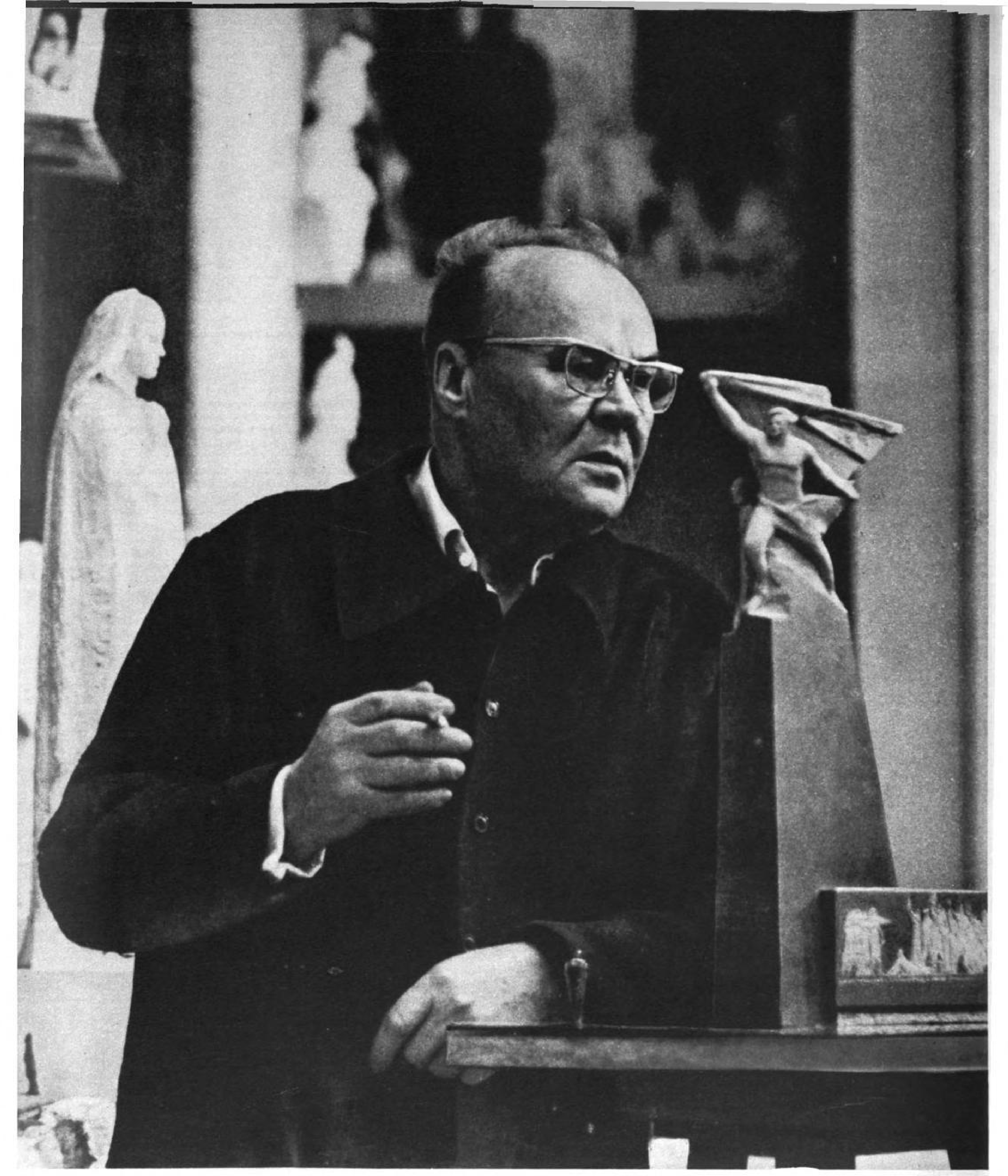
Не было среди них только шестого — прекрасного поэта из Анголы Агуштинью Нету. Он не смог быть на конференции, не смог покинуть родную землю, где ведет бой против португальских колонизаторов.

На последнем заседании конференции, после того, как была принята Декларация IV конференции, вобравшая в себя раздумья и мысли всех ее участников, казахский писатель Адий Шарипов пригласил писателей принять предложение о проведении V конференции писателей Азии и Африки осенью 1973 года в столице Казахстана Алма-Ате.

* * *

И снова поздней ночью улетали мы из Дели, от берегов индийской реки Джамны. Позади пленарные заседания и дискуссии на комиссиях, обсуждавших вопросы традиций и новаторства, новых изданий афро-азиатских писателей, языковые проблемы и проблемы взаимных переводов.

Это все как бы осталось позади и в то же время оставило неизгладимый след в сердце. Конференция в полную силу показала единство писателей Азии и Африки, их взаимную ответственность и желание помогать своим народам.

Народный художник СССР, президент Академии художеств СССР Николай Васильевич Томский. Фото И. Тункеля.

СЫН КУЗНЕЦА

У ОЗЕРА ИЛЬМЕНЬ

Молчаливая равнина. Вековые курганы сторожат древние городища. Высокое новгородское небо с тяжелыми, будто каменными, валунами облаков. На горизонте — леса, леса...

Широко, извилисто течет Ловать, которая когда-то звалась «Волота», богатырская река. Именно по ней шли «из варяг в греки». На высоких берегах поселились племена славян. Было это в VI—VII веках... Ловать несла свои голубые воды в Ильмень-озеро, воспетое былинным Садко.

Здесь, на берегу Ловати, в селе Рамушево, Старорусского уезда, Новгородской губернии, 19 декабря 1900 года в семье сельского кузнеца Василия Алексеевича родился сын Николай.

По зеленому косогору бродили белые березы, провожая маленького Колю в кузницу отца. Около кузницы росли лопухи и крапива да валялось остывшее железо. Бывало, над крутым берегом Ловати пролетят журавли и речной упругий ветер донесет их призывный крик, а через миг снова тихо. Лишь где-то высоко под огромными облаками бьется жаворонок.

Василий Алексеевич был мастером своеобычным, незаурядным. Он много рисовал. По своим эскизам ковал фигурные ограды...

Малыш Колька, прижавшись где-нибудь в уголке, поближе к горну, затаив дыхание, следил, как под прикосновением отцовской руки из мертвого металла рождались живые линии ограды со сложными узорами.

Гудит огонь. Сыплются искры под ударами молота. Летит окалина. Бегут, бегут вишневые, алые, оранжевые огни по куску металла. Вечная, великая профессия ваятеля-кузнеца! На всю жизнь полюбил эту работу Николай. А когда подрос, начал помогать отцу. Металл стал послушным и в его руках.

Но думал ли юноша, что не вершковые железные поделки, а саженные бронзовые громады будут покорны его сильной руке? Едва ли... Хотя, кто знает, о чем мечтают мальчишки...

Годы детства,
Розовы, как ветер,
Как вы пролетели,
Я и не заметил...

Томский прочитал и, лукаво прищурясь, взглянул на меня. Я знал, что президент Академии художеств СССР пишет стихи. Не раз слышал, как на вечерах Николай Васильевич читал наизусть стихи Есенина, но это четверостишие, произнесенное в тиши мастерской, поразило меня своей душевной наполненностью и безыскусственностью. Что-то было в них никитинское, кольцовское, настоящее, идущее от сердца.

Вот они, покосы,
праздник косаря,
Где мелькают косы,
лишь взойдет заря,
Где всех трав зеленых
бесконечный дол,
Ароматный, звонный,
расстелил подол...

На нас глядела огромная статуя Гермеса. Рядом стоял макет центра Москвы, сделанный из прозрачного пластика. Десятки эскизов скульптур, мраморных, бронзовых бюстов. Мастерская скульптора. Святая святых...

— За избами начинался спуск к реке. Не раз я мальчиком сиживал у косогора, любовался, как заходило солнце. Небо, сперва золотое, становилось багряным, и наконец заря угасала. Только окошки крайних изб да церковная колокольня долго еще горели алым огнем... Вот, кажется, прошла вся жизнь, а как вчера стоят перед глазами приильменские леса, красота наших зорь, слышатся песни птиц, плеск реки.

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Томский похож на сельского кузнеца. Сильные покатые плечи, крепкие узловатые пальцы. Кисти рук тяжелые. Он много, очень много курит...

Президент мягок в общении. Говорит тихо, слишком тихо, за что его критикуют стенографистки... Скульптор пишет стихи. Но он далеко не мягкотелый лирик. Боец. Твердый, непримиримый, а иногда яростный. Обыкновенный русский человек с присущими ему качествами — добротой к доброму и любимому, яростью к злому и враждебному.

Талант, умение почувствовать глубокое, сокровенное в человеке достались ему от родителей.

«Люби людей»,— не раз говорил Кольке кузнец Василий Алексеевич, могучий богатырь с льняными волосами, с веселыми искрами в голубых глазах. Сердцем запомнил паренек этот отцовский завет. И в самую тяжелую для него пору он никогда не терял веры в человека, никогда не переставал видеть и любить красоту жизни, что свойственно, как правило, лишь истинно здоровым и сильным людям.

Томскому чужды люди внешнего эффекта, позы. Он кажется иногда слишком молчаливым и небыстрым на ответы. Его не так легко упросить что-нибудь рассказать... Глубокие морщины бороздят огромный лоб. Томский вдруг поднимет темные кисточки бровей и остро взглянет через поблескивающие очки необычайно острыми глазами, прикрытыми тяжелым наплывом век. Тогда вдруг разгладятся складки у сомкнутых губ, и засветится добрая улыбка, и зазвучит негромкий голос бывалого, много повидавшего человека.

— Двадцатый год. Фронт. Молодой я был, неопытный. Вдруг перед боем собрали нас. Говорит батальонный комиссар: «Кто ляжет за пулемет?» Я вышел. Помню, кто-то меня сзади одернул: «Куда лезешь? Смерть!»

— Готов,— сказал я.

— Дурак,— говорит сосед,— убьют.

Не забыть мне ту рощицу, и речку Туровлю, и пятачок, весь открытый. А у беляков на опушке блиндажи и окопы.

Огонь. Ад кромешный. А командир встал на высокую кочку и прокричал что-то. Был он красавец, высокий, статный, и вдруг что-то сломало его. Схватился за живот. И прокричал: «Молчанов, принимай батальон!» Не помню, сколько прошло времени, но командиров всех выбило. И вот поднимается солдатик, маленький, невидный. Но как встал, взял винтовку и скомандовал: «Батальон, за мной!» — все, кто остался, поднялись и пошли в атаку. Вот тогда я узнал, что такое подвиг.

Меня ранило. Чуть не отняли руку. Правую...

«КОЛЯ, ЛЮБИ ЧЕЛОВЕКА!»

— Когда я в начале двадцатых годов приехал в Ленинград учиться,— рассказывает Николай Васильевич,— и впервые увидел фальконетова Петра, другие памятники великого города, я понял: вот моя судьба. А слова, сказанные тем же Фальконе: «Натуру живую, одухотворенную, страстную — вот что должен воплотить скульптор в мраморе, бронзе, в камне»,— стали девизом моего творчества. В те далекие годы, когда «новаторы», сколько могли, расшатывали традиции, Ленинград с его Эрмитажем, монументами, архитектурными ансамблями был самой лучшей академией...

— Правда, мне повезло, я попал в хорошую школу к скульптору Лишеву. Всеволод Всеволодович меня как-то сразу стал привечать. Ну, и я старался как мог.

Время было сложное. Художники спорили до рукоприкладства. Филонов — кумир «новаторов» — выступал с проповедями «аналитического искусства». Говорил он превосходно, но меня это не волновало. Диспуты проходили в «Клубе художника». И когда споры достигали кульминации, бывало, кто-то бил люстру, и в полной темноте начиналась свалка.

В Академии художеств было не слаще, правда, там не били люстры и не дробили скулы, а крушили гениальную классику, слепки с антиков и даже ухитрились разбить формы, с которых отливались копии. Верно, сломать сломали, а нового не придумали — лепили и гнули скульптуры из старого железа, жести, тряпок — все, что так модно сегодня на Западе.

Никогда не забуду картину на одной из тогдашних выставок. Огромное полотно замазано черной краской, и в нижнем углу — маленькая белая звездочка. Автор в засаленной черной паре, обильно обсыпанной перхотью, с длинной гривой волос, важно объяснял содержание: «Вселенная спит, а я бодрствую».

Но это было не самое сенсационное. Мне рассказывали, что на одном из празднований годовщины Октябрьской революции в Витебске Малевич и Шагал расписали целый город, развесили загадочные панно, на которых летали ярко-зеленые в яблоках кони и длиннобородые старцы, а трамвайные вагоны были раскрашены футуристическими кубами.

Это было, может быть, и занятно, но при чем здесь Октябрь?

Словом, художники как могли п у г а л и л ю д е й. И это им удавалось.

— Как-то раз (в этом чистосердечно признаюсь),— тут Томский усмехнулся,— я решился вылепить натуру «более конструктивно», чем видел. Пришел Лишев и говорит: «Коля, что это?.. Да, надо подумать»,— и ушел. Я поглядел на свою стряпню и сломал этюд.

Через два дня приходит Лишев и спрашивает, где модель. А я говорю: «Сломал».

— Тебе просто,— сказал Всеволод Всеволодович,— а я ведь две ночи из-за этого не спал, думал, что и тебе капут. Знаешь, Коля,— добавил он,— люби человека, не будешь любить — ничего не сделаешь.

Так, не сговариваясь, мой учитель повторил завет отца.

— Как-то отец приехал навестить меня в Ленинград. Привез гостинцев, солений, варений. Все это было очень кстати. Время для меня было нелегкое. Учеба кончилась. Заказов не было...

Целыми днями бродили мы с отцом по городу, любовались архитектурой, памятниками. Ходили в Эрмитаж... Помню, под вечер отец вдруг проговорил: «Боже милостивый, сколько же разума, знаний надо, чтобы сотворить такую красоту!»

Красота... С малых лет привили мне отец и новгородская природа любовь к прекрасному. Ленинград. Эрмитаж. Русские мастера Шубин, Козловский, Щедрин вконец покорили меня. Хотелось быть похожим на них. И я учился. Упорно. Каждый день. И... пожалуй, всю жизнь.

Мне пришлось работать реставратором,— рассказывал дальше Томский,— и эта работа мне очень много дала в понимании чувства весомости, плотности формы, ближе подвела меня к мастерству.

КИРОВ ШАГАЕТ В ВЕЧНОСТЬ

Прошли годы учения, нелегкие годы становления таланта.

В 1929 году молодой скульптор вылепил большой бюст Горького, без натуры, по материалам. В ту пору писатель приехал в Ленинград и остановился в гостинице «Европейская».

— Памятно утро, когда я, трепеща, принес портрет в номер. Горь-

кий, высокий, сухощавый, встретил меня радушно, хотя был болен, и сказал, сильно окая: «Чем порадуете?» Поглядел... «Хорошо, только покажите обязательно окодемикам. Как им покажется?»

Я «показал окодемикам», и все обошлось хорошо.

Много после выполнял разных работ. Но первым настоящим, серьезным испытанием была работа над образом Кирова.

Я долго изучал облик Кирова, присматривался к нему издалека, смотрел кино, фотографии. Читал и слушал его выступления. Наконец, вылепил бюст.

Николай Васильевич встал и подвел меня к мраморному небольшому бюсту Сергея Мироновича. Сколько надо было вложить знания, душевного тепла, любви, чтобы заставить так говорить камень!

— Киров пригласил меня.

«Похож-то похож»,— сказал он. Простой, в гимнастерке с расстегнутым воротом, сердечный Сергей Миронович очаровал меня.

«Ну что ж, давайте работать. 4 декабря с утра вас устроит?»

Я с восторгом согласился. И, конечно, не мог думать, что это была наша последняя беседа.

1 декабря 1934 года Ленинград был ошеломлен известием о злодейском убийстве Кирова.

Я был потрясен... И все твердил и твердил себе: ответь!

Не хватило бы и ста страниц, чтобы рассказать о годах работы, о бесконечных вариантах (а их было не менее двадцати пяти), о трудностях выполнения статуи в натуре. Она была высотой в восемь метров... Нет слов, чтобы передать, как после сотен бессонных ночей наконец монумент был смонтирован и поставлен. И вот настал великий для меня день. А на мне лица нет. Площадь запружена народом. Скульптура закрыта покрывалом. Речи, речи, и вот приходит миг, когда покрывало падает, и мой любимый Киров, бронзовый Киров шагнул навсегда к людям...

Играли гимн... Я не сдерживал слез...

Я истинно любил Кирова. Не знаю, удалось ли мне это выразить... Томский, в который раз за вечер, снова закурил.

— Думал ли я, окончив работу над образом Кирова, что всего через три года мне придется, как и всем жителям, узнать другой Ленинград — блокадный?!

1941 год. Томский организовывает бригаду монументальной пропаганды. Бригада эта создавала многометровые рельефы-плакаты: «Так было — так будет», «На защиту Ленинграда»...

— Мы работали в одном из соборов,— рассказывает художник.— Стекла выбиты, из окон сыплет снег. Обстрел нашего Выборгского района начинался с утра. Бомбила авиация. Но мы работали... Привыкли. Как-то осколок фугаски пробил щит и воткнулся в глину рельефа. Но мне везло. Я верил, что «моя» бомба еще не была изготовлена, и работал, работал...

Но кончилось все очень обыденно. Меня с явлениями острой дистрофии вывезли полуживого из Ленинграда. Вот и все...

Николай Васильевич потянулся за новой сигаретой.

«КРАСИВОЕ НУЖНО СОХРАНИТЬ...»

И снова вечер. И снова мы в мастерской скульптора. И снова под ногами битый гранит. Полумрак. В сумерках таинственно выступают из тени белые статуи, мерцают бронзовые бюсты, стоят фигуры, накрытые влажным холстом. Тихо.

Томский включает дневной свет. Раздается монотонное гудение, и голубой, неживой луч озаряет нас. Я замечаю на руке у мастера странный бугорок. Спрашиваю, что это.

Скульптор щурится, затягивается. Выпускает дымок. «Это я сегодня рубил гранит. И опять у меня заходила косточка. Блуждает».

Я смотрю на тяжелые, натруженные кисти рук с узловатыми пальцами и думаю, сколько десятков тонн глины, мрамора, гранита прошло через эти руки...

Великолепна архитектоника скульптур Томского. Их отличают собранность и ритмичность. Кажется, на одном дыхании пришла к мастеру эта ясность, почти музыкальность пластики. Естественность жеста, гармоничность больших масс и силуэта как бы сливаются в торжественном гимне с архитектурой, оставляя зрителю ощущение силы и... легкости решения.

И снова я смотрю на натруженные руки мастера.

— Наша работа не из легких,— вдруг проговорил Томский, словно угадав мои мысли.— Грубый скол если сделаешь, неделю руками не пошевелишь. Раньше я ухитрялся работать еще и ночами. Теперь стараюсь меньше полуночничать. Хотя приходится. Времени не хватает.

Зазвонил телефон...

Пока художник долго разъяснял кому-то невозможность участия его в каком-то очередном совещании, я на миг представил себе обязанности Томского... Перед моим взором возникли должности, звания, каждое из которых было ответственнее и почетнее другого: депутат Верховного Совета РСФСР, профессор, президент Академии художеств СССР... Нет, недаром как-то шутя художник сказал мне, что если бы в сутках было тридцать четыре часа, то времени все равно бы не хватало.

...Мы подошли к стеллажам, где стояли портретные работы скульптора.

Напряженная пластичность портретов, созданных Томским, заставляет почти осязаемо чувствовать дыхание, биение сердец его героев. Вглядываясь в энергичную лепку портретов мастера, мы ощущаем удивительную жизненность созданных им образов и глубоко верим в их правдивость. Мы как бы прикасаемся к человеческой красоте, часто глубоко скрытой, но тем более возвышенной.

Герои портретной галереи Томского — люди труда, творчества, подвига. Они близки по натуре самому автору, прожившему совсем непростую, порою трудную жизнь.

«Строитель Николай Махов». Русский парень. Вихрастый. Ветер строек разметал его чуб. («Не хватило на чуб глины»,— улыбается Томский.) Он суров и мягок, этот паренек. Он, наверное, молчалив и застенчив, и он бесконечно близок по духу ваятелю. И эта его авторская симпатия передается зрителю.

«Люби людей» — лейтмотив портретной серии Томского...

Художник поворачивает бюст к свету, отходит и долго глядит на открытое, доброе лицо Махова.

— Леплю, а он мне говорит: трудно порою бывает. Тяжко. Но когда поднимаешь последний этаж, кончаешь дом, подумаешь, придут люди и скажут: «Спасибо неизвестному строителю»,— и становится на душе легко.

— Удивительно обаятельный, по-настоящему интеллигентный человек этот Махов,— промолвил мастер...

На стеллажах тесно. Моряки и академики, летчики-герои и овощеводы, художники и генералы. Нет, не хватило бы и толстой книги, чтобы рассказать о судьбах и делах этих интереснейших людей...

— Любопытную историю мне рассказали,— говорит Томский,— о великом французском скульпторе Бурделе. Хотя я, впрочем, больше люблю Родена.

— Однажды Бурдель лепил с натуры голову юноши, но вечно мятущийся художник, окончив работу, остался ею недоволен и поставил ее в дальний угол. Прошло много лет, и он откопал эту голову. Долго пораженный мастер взирал на дело рук своих и вдруг воскликнул: «Вот к чему я стремился всю жизнь — к союзу духовной и физической красоты!»

Я смотрел на головы строителя Махова, дважды Героя Покрышева, молодого матроса Козлова и думал, что бы сказал Бурдель об этих замечательных портретах...

— Кстати, в Париже,— промолвил Томский,— мне довелось работать в мастерской ученика Бурделя скульптора Орикосты, который, кстати, рассказал мне эту самую историю... Я лепил у него портрет французского коммуниста Жозефа Гельтона, шахтера, активиста газеты «Юманите».— Томский выдвинул из тени бюст и повернул его к свету.

Воплощением энергии, мужества, может быть, грубоватой, но доброй силы веяло от этого смело и ярко вылепленного бюста.

— Правда, этот портрет мне задался. Я сделал его в два сеанса, часов за пять. Во время работы в мастерской глядели на мой труд двенадцать учеников Орикосты. Когда я закончил, Жозеф Гельтон сказал им: «Вот так надо работать!» И он имел на это право, так как эти ребята лепили бог знает какую дичь. Модернизм и прочие «измы» напрочь загубили их юные души. Они делали все, что может взбрести в голову. Все!.. Кроме натуры!

Глядя на их «опусы», я напомнил им слова их великого земляка Родена: «Будьте правдивы, молодые люди. Это не значит — будьте банально точными. Скрупулезная точность — это точность фотографии и муляжа. Но искусство возникает лишь там, где есть внутренняя правда. Пусть все ваши краски, все ваши формы служат выражению чувств... Не думайте, что мы можем исправлять природу. Не будем бояться быть подражателями, будем выполнять лишь то, что видим, но пусть эта копия пройдет через наше сердце раньше, чем через нашу руку; в ней будет достаточно оригинальности, даже без нашего ведома».

Не знаю, послушались ли они Родена и... меня, но я глубоко верю, что влияние модернизма на Западе приходит в упадок.

Об этом говорит огромный успех выставки нашего замечательного художника Александра Дейнеки на Биеннале, в Венеции, летом нынешнего года.

Молодежь начинает отворачиваться от формализма. Вот уже довольно известная история. Несколько лет назад мне пришлось встречаться с группой молодых французских художников. Еще в недалеком прошлом они были ярыми формалистами. Дела их шли отлично: заумные картины были в моде и охотно раскупались. Но случилось так, что, несмотря на большой материальный успех, эти молодые люди решительно порвали с формализмом и вернулись на путь реалистического искусства. Когда я спросил, что их заставило отказаться от весьма доходного, поощряемого на Западе и легкого «искусства», они сказали:

— Мы чувствуем, что перестаем быть художниками... Это «искусство» нас выхолащивает, ведет к творческому тупику и бесплодию. Мы разучились думать, мыслить образами, испытывать творческое волнение... Мы поняли, что становимся просто разновидностью маляров!..

Невольно вспоминаются пророческие слова Ленина, чувствовавшего еще в двадцатых годах разлагающее влияние модернизма и решительно вставшего на защиту ценностей мировой культуры: «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного... только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица!»

Ленин... Чем больше я живу, тем чаще и чаще я вновь и вновь возвращаюсь к этой теме. Последняя моя работа «Ленин как знамя» — монумент на площади Ленина в Берлине.

— Фигура Ленина — десять метров. Пришлось лепить это в глине. Ну что ж, помесил не один центнер,— улыбаясь, говорит Томский.— Потом скульптура была вырублена из гранита. Свыше ста блоков из отличного украинского емельяновского камня повезли мы в ГДР.

Два месяца я провел в Берлине, монтируя монумент. Много незабываемых встреч было в те дни. Приходили не раз пионеры и просили на память кусочек гранита от памятника. «Домом дяди Томского» прозвали берлинцы дом, у которого стоит памятник. К нам пришел старый коммунист, которому Ленин, будучи в Женеве, пожал руку.

Но вот работы по монтажу подошли к концу и настал долгожданный день, 22 апреля 1970 года. ...Неделями перед этим днем в Берлине шли проливные дожди, было пасмурно, и вот к часу открытия ветер разогнал тучи, и выглянуло яркое весеннее солнце. Двести тысяч человек собрались на площади Ленина... Музыка, марши, песни, алые стяги, цветы.

Я был счастлив! Ведь я, русский коммунист, внес и свою лепту в день великого праздника, который отмечал весь мир.

Памятник В. И. Ленину на площади В. И. Ленина в Берлине. Скульптура Н. В. Томского.

Фото Хейнца КРЮГЕРА.

РАБОТЫ Н. В. ТОМСКОГО

Рабочая модель памятника М. И. Кутузову в Москве.

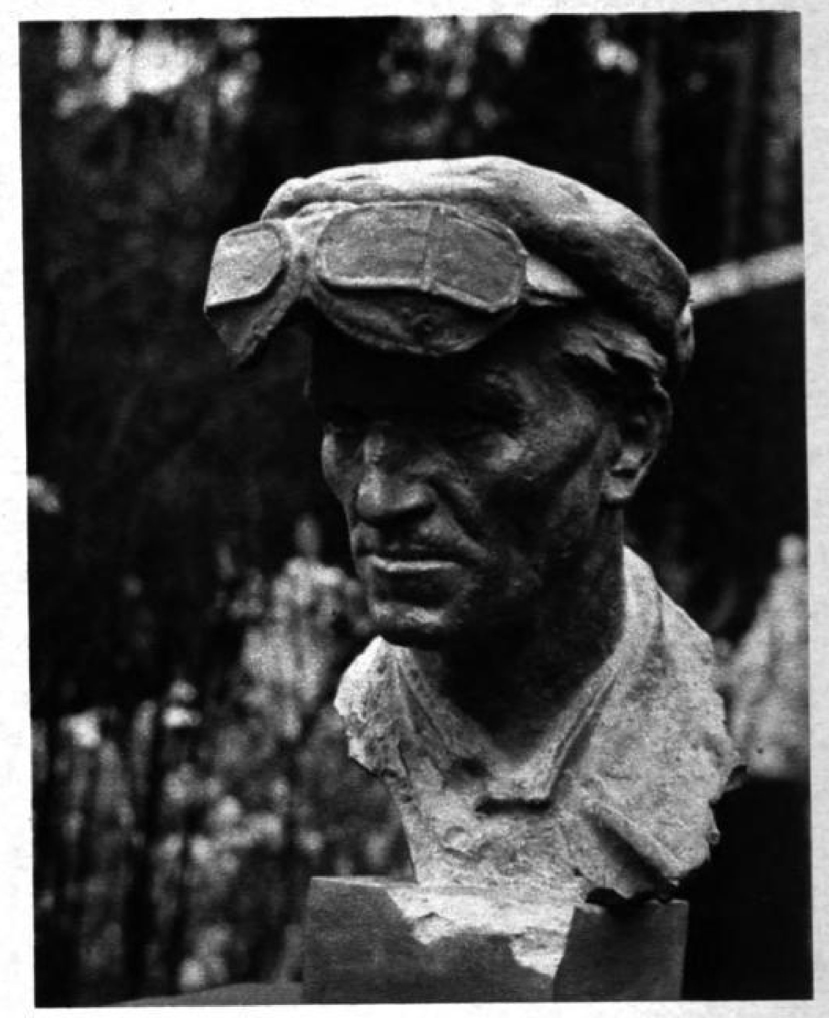
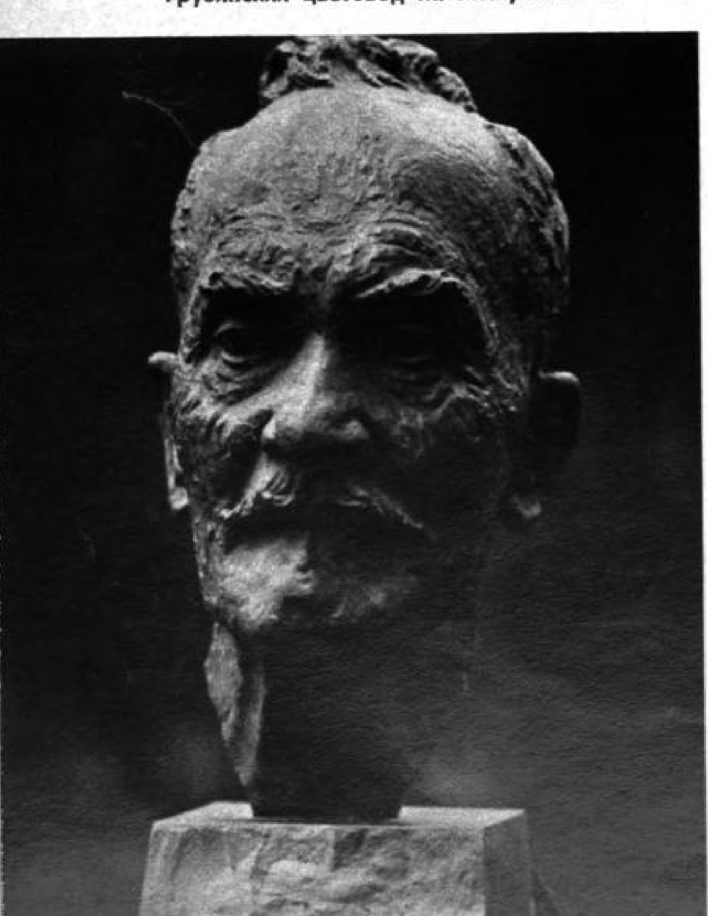

Портрет литейщика Никифорова.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Грузинский цветовод М. Мамулашвили.

Фрагмент горельефа памятника Кутузову.

Новые стихи

УЙГУН,
народный поэт Узбекистана

МУЗЫКА

Звон дутара, стон свирели,
Бубна мерный перестук.
Что за звуки полетели,
Как волнует каждый звук!

Как чаруют, как пленяют
Эти звуки-голоса,
Как высоко подымают
Наши души в небеса!

То веселой, то печальной,
Но мелодией живой
Отмечаю час начальный,
День встречаю трудовой.

Музыка — богатство мира:
Будто бы со всех сторон
Флейты собрались и лиры
Всех народов, всех времен.

Песенки родных хафизов
Заиграли на губах,
И опять Чайковский близок,
И опять мне дорог Бах.

Музыке всех стран внимая,
Цветников дыханье пью,
Улыбаюсь, и вздыхаю,
И смеюсь, и слезы лью.

Мастер добрый, мастер милый,
Эта музыка твоя
В состязанье победила,
Устыдила соловья.

Ты врачуешь все недуги,
Души исцеляешь ты.
Пусть твои не знают руки
Ни болезни, ни беды.

ВЕСНА.
Я СНОВА, КАК РЕБЕНОК...

Весна. Я снова, как ребенок,
К тюльпанам выбегаю в степь.
А гром гремит, а дождик звонок.
Цветет, блестит, сверкает степь.

Я рву тюльпаны, как бывало,
Как в самом раннем детстве рвал.
А небо вновь загрохотало.
Дождь не затих, но ливнем стал.

Куда мне от потопа деться,
И где мне переждать грозу?..
Тюльпаны рву, как в пору детства,
И — мокрые — домой несу.

О ЛЮБВИ

О любви стихотворенье
Я прочел. Ханум одна
Прошипела с возмущеньем —
Так была раздражена:

— Он уже старик. Могила
Перед ним, и потому
Я бы лично запретила
О любви писать ему.
Пусть уж возрасту согласно
Темы он свои берет!
Пусть о чувстве том прекрасном
Юный соловей поет!

— Госпожа,— ей отвечаю,—
Не желаю вас сердить,
Но законов я не знаю,
Запрещающих любить.

Мне, ханум, прошу поверить:
Юноши и старики
Попадают в равной мере
В благодатные силки.

Все любовь меняет сроки:
И весною и зимой
По ее спешат дороге
И юнец и пожилой.

И кому любовь мешает,
И кому она вредит,
Если сердце возвышает,
Если душу молодит?!

Госпожа моя, заметьте:
Не боюсь подобных тем,—
Попадать в такие сети
Суждено и мне и всем.

Но обязанность поэта —
Людям рассказать другим,
Что должно быть чувство это
Самым чистым и святым.

Лет своих я не скрываю,
Но у жизни на краю
Я любовь благословляю,
Подражая соловью.

А сердиться — некрасиво,
И еще я так скажу,—
Мир мне говорит спасибо,
Что влюбленным я служу.

Я лишь переводчик юных
С языка большой любви
Несравненного Меджнуна
На язык его Лейли.

Если я гляжу на пери,—
Это жажда глаз других,
Если я сужу о пери,—
Это слово молодых.

Ни при чем тут ваша злоба,
Подтверждаю вновь и вновь:
Буду прославлять до гроба
Благородную любовь.

Пусть ханум себе болтает
Мне о темах старика,
Но любовь не увядает,
И влюбленным я слуга.

КАЗНАЧЕЙ

Прошу, ты на меня не сетуй,
Но разговором не преследуй,
Писать мне не мешай беседой,
Мой срок не кончен трудовой.

Есть чувства и ума богатства,—
Народу все должны достаться,—
Я бы сказал, что святотатство
В своей их прятать кладовой.

Еще не все стихотворенья
Написаны. Ждут разрешенья
Надежды и предположенья
Всех дней моих и всех ночей.

Поэт подобен садоводу:
Взрастив в глубинах сердца оду,
Ее он отдает народу,
Его бессменный казначей.

Перевел с узбекского
Ник. УШАКОВ.

«Некоторые песни сохранились в моей памяти. Эти песни исполняли мои товарищи по оружию в минуты передышек между боями и на привалах. Авторов песен никто никогда не объявлял и в разговорах не упоминал. Все эти песни забыты, но как ярко и зримо они отражали годы войны, какие в них чуткие сравнения.

Мне пришли на память слова песни «Дочурка». Как много в ней тепла, солдатской отцовской любви! Как точно она отразила настроения, самые сокровенные чувства солдата-отца! Мне кажется, что все, что сделано, забыть нельзя — не позволяет память пережитых дней.

Бывший гвардии старший сержант
Анатолий Агафонович СОЛКИН».
Из письма в редакцию Всесоюзного радио

Как бы отвечая на это письмо, Николай Доризо написал стихи, публикуемые ниже.

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Николай ДОРИЗО

Любимая,
Далекая,
Дочурка черноокая,
Нежно мишку укрой,
Скоро кончится бой,
Твой отец вернется домой...

В сорок втором,
Еще мальчишкой,
Однажды ночью,
наугад,
Про девочку
с тем самым мишкой
Сложил я песню для солдат.

Гармонь сорок второго года,
Твой звук,
как мог,
я повторил,
Как мог,
письмо продолжил чье-то
И чью-то грусть
удочерил.
Не знал в тот год я рифмы модной,
Чеканных граней мастерства,
Но были
от беды народной
Взрослей меня
мои слова.

Любимая,
Далекая,
Дочурка черноокая,
Нежно мишку укрой,
Скоро кончится бой,
Твой отец вернется домой...

Писал я с болью эти строчки,
Я — не отец
и не поэт.
С тех дней
До дня рожденья дочки
Еще мне жить пятнадцать лет.
О ней не ведал я в ту полночь,—
Хоть день
прожить бы на земле!

Я был юнцом,
Но старшим в помощь
Отцом
считал себя в семье...

Уж как-то так случилось это,
Что я забыл о песне той,—
Для искушенного поэта
Не гож
язык ее простой.

И вдруг
сегодня —
Что за чудо!—
Звучит по радио она.
И дорога она кому-то
И до сих пор еще нужна.

О ней сегодня письма пишут,
Как бы от девочки своей.
Под городской
и сельской крышей
Она жила
среди людей.

Но, потеряв меня когда-то,
Она
до нынешнего дня,
Как дочь
Пропавшего солдата,
Искала
столько лет
меня!

Лауреаты Государственной премии слесарь-сборщик Анатолий Семенович Алимпиев и старший мастер участка Григорий Борисович Пауков.

ТРУЖЕНИКИ РОССИИ, С ПОБЕДО

Сегодня мы ведем репортаж из станкостроительной фирмы имени Свердлова — одного из ленинградских промышленных объединений, завершивших пятилетку ранее срока.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ МИРА О СОВЕТСКИХ СТАНКАХ

«Изготовление и конструкция расточных, фрезерных и особенно координатно-расточных станков произвели на нас очень большое впечатление. Достигаемая точность 0,006 мм является, при учете относительно большой площади расточки, очень значительной» (из письма с завода офсетных машин в городе Оффенбах, ФРГ).

«Советские станки имеют очень высокую репутацию. Они славятся своей надежностью и эффективностью. Многие английские компании используют уже сейчас советское оборудование и очень им довольны»,— говорит директор английской компании «Керри» г-н Д. Хинкли.

...Литейный проспект. Многоэтажное здание. Обычный рабочий день. Барабанная дробь телетайпов, вкрадчивый шепот счетных машин. Телетайпами этот дом связан с крупными заводами города и со всеми районами области. Счетных машин тут множество, и самых разных. Они стоят в высоких, светлых залах и считают, считают, считают...

В этих своеобразных цехах, как в зеркале, отражается картина трудового ритма города на Неве. Сюда по установленной форме поступают первичные отчеты о выполнении народнохозяйственных планов. Используя современную технику, инженеры, математики, экономисты, плановики статисти-

Здесь собираются координатно-расточные станки. Слесарь-сборщик А. Н. Евдокимов.

С ПОБЕДОЙ, ТРУЖЕНИКИ РОССИИ! РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ДОСРОЧНО ПЕРЕШАГНУЛА РУБЕЖ ПЯТИЛЕТКИ.
ЗА 5 ЛЕТ В РЕСПУБЛИКЕ
ОСВОЕН ВЫПУСК ОКОЛО 2 000 НОВЫХ ВИДОВ МАШИН, ОБОРУДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛОВ;
НА 25 000 УВЕЛИЧИЛОСЬ ЧИСЛО МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ПОТОЧНЫХ И АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ЛИНИЙ;
900 ПРЕДПРИЯТИЙ КОМПЛЕКСНО МЕХАНИЗИРОВАНО И АВТОМАТИЗИРОВАНО.

Й!

Это они, ударники коммунистического труда, делают станки-автоматы для часовой и приборостроительной промышленности.

ческого управления проверяют и обобщают разрозненные отчеты в единые сводки по различным показателям. В итоге целая книга в цифрах.

Это отсюда, из дома на Литейном, вышло сообщение о досрочном завершении ленинградцами восьмой пятилетки.

Мы спросили у начальника статистического управления Ленинграда и области И. Д. Козлова, о каком заводе он рекомендует рассказать.

— Выбор богат,— ответил он.— У нас свыше тысячи промышленных предприятий. В этой пятилетке хорошо зарекомендовали себя производственные объединения, проще говоря, фирмы. Их в Ленинграде пятьдесят три. Они выпускают треть продукции.

Итак, фирма. Фирма имени Свердлова. Три завода. **Два на Выборгской и один на Петроградской стороне. Раньше они не очень-то волновались друг о друге, каждый был поглощен своими** заботами, хотя по характеру производства они родственники. Все три предприятия выпускали станки.

А что если объединить, сосредоточить все резервы, финансовые и материальные ресурсы в одних руках? Так возникла новая фирма, соединившая в себе науку, проектирование и производство. В **числе первых девяти объединений, созданных в Ленинграде, было и станкостроительное имени Свердлова. Помимо трех заводов, в не**го вошли и конструкторские организации. Фирма сконцентрировала в себе все — от проектирования до окончательного выпуска и реализации продукции.

Не всякое укрупнение и объединение полезно. А как тут? Тут все в порядке. Появился устойчивый ритм в работе, сэкономлен миллион рублей. **Пятилетку объединение выполнило за три месяца до срока. Без увеличения численности рабочих объем производства вырос на 41 процент. За все эти**

годы не было случая, чтобы какой-либо завод, находящийся под эгидой фирмы, не справился с месячным заданием. Обновлена треть оборудования. Фирма получила признание на мировом рынке.

Войдем в один из цехов. Все здесь необычно. Первое, что бросается в глаза,— нет окон. Двустворчатые металлические двери. В любое время года здесь автоматически поддерживается одна и та же температура — плюс 20 градусов. Люминесцентные лампы равномерно освещают всю площадь. В пролетах просторно. Легко дышится. Непрерывно подается кондиционированный воздух. Цех стоит на глубоком фундаменте, поэтому на сборочных площадках нет вибрации. Чистота идеальная. Мощные пылесосы всасывают в шланги со станков металлическую стружку. Рабочие в фирменных костюмах.

В таких условиях собирают и настраивают станки на заводе имени Ильича. Такой же корпус построен и на заводе станков-автоматов. На всех предприятиях фирмы созданы так называемые финишные механические участки, где в столь же идеальных условиях обрабатываются точные детали.

...32-й цех завода имени Свердлова. Удобные верстаки. Инструментальные шкафы. Стеллажи для хранения деталей. Стены, облицованные белыми плитками. Здесь собирают станки с программным управлением.

В тот день, когда мы были в этом цехе, весь заводской коллектив сердечно поздравлял группу специалистов и производственников с присуждением им Государственной премии СССР за создание тяжелых координатно-расточных станков особо высокой точности. На участке, где ведется сборка таких станков, нас познакомили с двумя лауреатами — старшим мастером Григорием Борисовичем Пауковым и слесарем-сборщиком Анатолием Семеновичем Алимпиевым. Люди разных возрастов и разного опыта, они оба отменные мастера своего дела. Григорий Борисович прошел школу восьми пятилеток. Сорок пять лет назад он поступил на завод учеником слесаря. Сперва сам учился, а потом и других учил.

Как-то незаметно наступило время, когда надо было совершить такой скачок в станкостроении, которого ждали во многих отраслях точного машиностроения. Нужно было освоить новую модель координатно-расточного станка, в котором точность измерялась бы несколькими микронами. За плечами Паукова — огромный опыт. Но новое есть новое. Требовалась поистине ювелирная работа. Все делали правильно, точно по ГОСТу, а на поверхности оказывались какие-то пятна. И тогда Пауков пришел к неожиданному выводу: в самом ГОСТе заложена ошибка. Случилось так, что в эту пору на завод приехал министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР тов. Костоусов. Пауков — к нему. Министр выслушал и посоветовал мастеру изложить все его соображения письменно и как можно точнее обосновать их: ведь ГОСТ — закон и для министра, нарушать его он не имеет права. Прошло немного времени, и ГОСТ пересмотрели. Дело пошло на лад.

В 1958 году Г. Пауков демонстрировал продукцию своего завода на Международной выставке в Брюсселе. Многие зарубежные специалисты пытливо присматривались к советским станкам, поражаясь их высокой точности, простоте и легкости управления. Как-то у координатно-расточного станка появился французский рабочий, и, судя по его вопросам, был он человеком знающим, с богатым опытом. Ему разрешили самому испробовать станок в действии. Француз был придирчив, и Пауков ожидал всяких замечаний. Но француз протянул руку ленинградцу и сказал: «На вашем станке не работать, а отдыхать!» Станок был удостоен высшей награды — «Гран-При». Французская фирма «ЖСП» немедленно пожелала купить советский станок. Знают за рубежом и сборщика с участка Паукова — Анатолия Семеновича Алимпиева. Слесарный стаж у него поменьше, чем у мастера, но и он достойно представляет свою фирму за рубежом. Друзья любовно называют его «профессор Толя».

А давно ли — слесарь-сборщик Герой Социалистического Труда Александр Ильич Рощин помнит это время — на заводе собирали станки из английских деталей или копировали немецкие модели. Но уже перед Отечественной войной тут изготовили горизонтально-расточные станки своей, принципиально новой конструкции. Однако с теми, что Рощин настраивает сейчас, их и сравнивать нельзя. Высокая производительность, надежность в работе — эти качества станков высоко оценивают англичане, японцы, шведы.

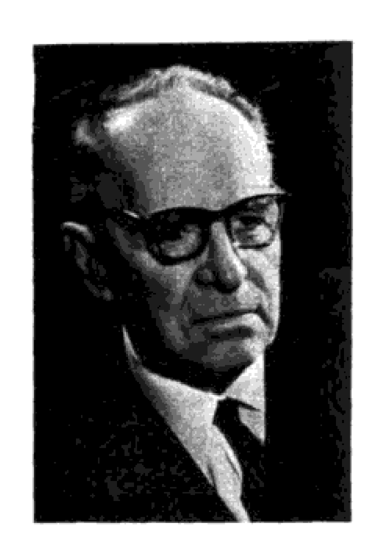
Недавно из Японии вернулся один из многих учеников Александра Ильича — Николай Диомидович Майоров. Полгода он провел в Японии, устанавливал станки своей фирмы на заводах разных городов. Сейчас снова собирается в дорогу. Опять в Японию. С новыми станками.

Многие слесари, наладчики фирмы встретили Октябрьские праздники вдали от родного города — в Италии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Англии. Объединение имени Свердлова — солидный экспортер. Завод станков-автоматов потеснил старейшую швейцарскую фирму «Торнос». Не так давно она была монополистом на мировом рынке и мы покупали у нее станки для часовой промышленности. Но это уже в прошлом. Сегодня объединение не только поставляет точнейшие автоматы отечественным часовым заводам, но и продает их за рубеж. В этом году шестьдесят таких станков купили англичане.

Успех фирмы имени Свердлова в ее непрерывном стремлении создавать такие станки, которые по своей конструкции и исполнению были бы не только на уровне мировых стандартов, но и опережали их. Большие возможности открылись перед объединением с переходом на новую систему планирования и экономического стимулирования. Реформа наделила хозяйственников большими правами. Появилась возможность использовать значительные средства на техническое перевооружение производства, жилищное строительство. Новые цехи, участки. Новые жилые дома, новая поликлиника. Новый детский сад. Новая столовая. Новые бытовые помещения в цехах. Летний палаточный городок на Карельском перешейке. Строится свой дом отдыха на Черноморском побережье.

Пятилетка выполнена. Вахта продолжается.

— Будущая пятилетка нашей фирмы — это пятилетка резкого увеличения выпуска станков с программным управлением,— говорит главный инженер объединения Е. А. Плоткин.— Мы создаем средства производства, и от того, какие станки выпустим, во многом будет зависеть работа других заводов.

ОПЫТ ЖИЗНИ — ОПЫТ ТВОРЧЕСТВА

«Я часто думаю о судьбе русского народа, обозревая умственным взором его жизненный опыт, и всякий раз чувствую его неисчерпаемую силу созидания, его исторический оптимизм, нравственную красоту. В том, чтобы правдивее и глубже раскрыть величие подвига народа-труженика, его талантливость, я всегда видел свою главную творческую задачу». Так недавно говорил в одной из наших бесед известный писатель-горьковчанин Александр Иванович Патреев. В этих словах, мне представляется, высказано творческое кредо большого русского художника слова, коммуниста, общественного деятеля.

А. Патрееву исполняется семьдесят лет, из которых более сорока отдано служению советской литературе. Все его многочисленные очерки и рассказы, комедия «Строптивое сердце», «Невская быль» (сказ о славном кораблестроителе П. А. Титове), повести и романы посвящены людям труда, борцам и созидателям новой жизни.

В романе «Глухая рамень», рисуя жизнь одного из леспромхозов на рубеже 30-х годов, писатель создал интересные образы рабочих и крестьян, лесоводов-инженеров и партийных работников. В их характерах запечатлелась та сложная, напряженная эпоха с ее необыкновенной социальной пестротой и остро-драматической конфликтностью.

Тем же утверждающим пафосом пронизана и двухтомная эпопея «Инженеры», посвященная судьбам строителей одного из индустриальных гигантов первой пятилетки, Горьковского автозавода.

И хотя время действия этих крупнейших произведений А. Патреева — тридцатые годы, это не исторические, а по самой сути своей современные проблемные романы. Вся их образная система, весь художественно-эстетический строй проникнуты мечтой о прекрасном будущем, авторской устремленностью в наш завтрашний день.

Эта мечта, устремленность писателя естественно родились из его личного жизненного опыта, из биографии, типичной для многих тысяч советских людей старшего поколения.

На рубеже семидесятилетия у Александра Ивановича Патреева много творческих планов и замыслов. Он заканчивает роман «Незакатное солнце», работает над очерками о современной деревне и, как депутат Горьковского областного Совета, много времени и сил отдает общественным делам. У писателя огромный опыт жизни. Он полон творческих сил, кипучей энергии, и читатель ждет от него новых книг, новых художественных открытий.

Юрий ПУХОВ

Исполнилось 150 лет со дня рождения замечательного русского поэта Афанасия Афанасьевича Фета. Сборники стихов Фета (1850 и 1856 гг.) пользовались большим вниманием у читателей, но к 60—80-м годам наступило охлаждение к поэзии Фета.

Четыре последующих выпуска его «Вечерних огней» (1883, 1885, 1888, 1891 гг.) снова доказали поразительную силу фетовской поэзии, о которой сам же поэт замечательно сказал в послании к Я. П. Полонскому (1883 г.):

А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный,
И, красотою умиленный,
Зажег вечерние огни.

И не к самому ли Фету с полным правом можем мы отнести те похвалы, с которыми он обратился в 1888 году к А. Н. Майкову в день его юбилея:

Кто же выступит с гимном похвал
Перед тем, кто, поднявшись над нами,
Полстолетия Русь осыпал
Драгоценных стихов жемчугами?

Недаром и в поэзии Александра Блока так явно чувствуется влияние Фета, из родника чистой поэзии которого так много почерпнул гениальный поэт России.

А. А. Фет. Фотография 1850-х годов.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Н. ПАХОМОВ

Тургенев и Фет, такие разные по своим политическим убеждениям, но объединенные одинаковой горячей любовью к поэзии и литературе, к природе и охоте, были связаны долголетней дружбой, правда, неоднократно прерывавшейся ссорами.

Знакомство Тургенева с Фетом относится к 1853 году. «Я вчера,— писал Тургенев П. В. Анненкову 30 мая 1853 года,— познакомился с Фетом... Читал он мне комедийку в стихах — плохую — это не в его роде, читал также переводы из Горация — отличные». А через несколько дней в письме от 5 июня к С. Т. Аксакову сообщает: «Ах да — у меня на днях был Фет — с которым я прежде не был знаком [1]. Он мне читал прекрасные переводы из Горация — иные оды необыкновенно удались — напрасно только он употребляет не только устарелые слова, каковы: перси и т. д.— но даже небывалые слова вроде: завой (завиток), ухание (запах) и т. д. ... Собственные его стихотворения не стоят его первых вещей — его неопределенный, но душистый талант немного выдохся. Попадаются, однако, прелестные стихи — напр.: эти два, оканчивающие грациозное описание летней тихой ночи:

И сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд» [2].

Мы привели эти цитаты из писем для того, чтобы показать, какое огромное значение для Тургенева имело поэтическое мастерство Фета, как он скрупулезно взвешивал каждую строчку своего друга, жертвуя своим временем; терпеливо выслушивал переводы Горация, держа перед собою подлинник, всегда охотно редактировал все присылаемые Фетом стихотворения.

В 1850 году вышел первый сборник стихотворений Фета. Он быстро разошелся, и это заставило поэта и его друзей задуматься над вторым изданием.

Известно, что второй сборник стихотворений Фета, вышедший в 1856 году, подвергся редактированию И. С. Тургенева.

До нас дошел так называемый «Остроуховский» экземпляр первого сборника стихотворений Фета, изданный в 1850 году, который весь испещрен заметками Тургенева для будущего издания. После смерти поэта он попал к его родственнику И. С. Остроухову, женатому, как и Фет, на одной из Боткиных, а в настоящее время хранится в Третьяковской галерее.

Наше литературоведение в 1920-х годах обвинило Тургенева в двух тяжких грехах: редактировании первого сборника стихотворений Тютчева 1854 года, появившегося, надо сказать, исключительно вследствие хлопот Тургенева, и редактировании (правда, не единоличном) второго сборника стихотворений Фета 1856 года. Сейчас этот вопрос до некоторой степени пересмотрен в пользу Тургенева.

Несмотря на позднейшие заявления Тургенева в одном из писем к Фету (7 декабря 1859 года, Петербург): «Сохрани бог, чтобы мы хотели Вас переделать: во-первых, это было бы очень жалко,— а во-вторых, невозможно: мы только говорим наше мнение со всею искренностью — а Вы принимайте его только в таком случае, если сами с ним согласны»,— мы должны по справедливости признать, что Тургеневу был органически чужд своеобразный лирический настрой как Тютчева, так и Фета.

Правда, Фет в большинстве случаев принимал все исправления Тургенева, но отдельные случаи самозащиты показывают, что где-то в глубине своего сердца он был очень обижен, и это спрятанное чувство много позднее достаточно ярко обнаружилось в далеко не объективном толковании фактов в «Воспоминаниях» Фета.

Различие политических взглядов, заступничество Фета за Н. Н. Тургенева, дядюшку писателя, неудачно управлявшего Спасским-Лутовиновым, накопившиеся обиды за резкие, иногда грубоватые замечания Тургенева по стихам Фета привели к неоднократным размолвкам, обмену письмами, в которых объявлялся окончательный разрыв. Но проходили годы, и старая дружба, старое влечение друг к другу, выросшее на общей, неугасимой любви к охоте и к поэзии, заставляли их снова общаться, стыдливо признаваясь в неумершей любви. Правда, отношениям этим уже недоставало прежнего тепла, и их близость покоилась на чувстве всепрощающей старости.

Публикуемые нами два письма А. А. Фета к И. С. Тургеневу представляют огромный интерес, если мы припомним, что до нашего времени известно всего шесть писем Фета к Тургеневу, в то время как писем Тургенева к Фету насчитывается более ста.

[1] В своих «Воспоминаниях» Фет указывает, что первая, мимолетная их встреча произошла не в 1853 году, а лет пятнадцать назад, но как-то не запомнилась, очевидно, Тургеневу.

[2] Тургенев не совсем верно цитирует эти заключительные строки стихотворения. У Фета: «Да сыплет ночь:..»

В одном из публикуемых писем находится интересный отзыв Фета о повести Тургенева «Ася».

«Я послал «Современнику» повесть («Ася» появилась в № 1 «Современника» за 1858 год.— Н. П.), которую Вы,— писал 28 декабря 1857 года Тургенев Фету из Рима,— может быть, прочтете до получения этого письма; напишите свое мнение о ней— но постарайтесь взглянуть на меня посуровее».

Надо признаться, что мнение Фета, неодобрительно отозвавшегося о повести, было далеко не единичным. Не удивительно поэтому, что в ответ на письмо Фета Тургенев 26 февраля 1858 года писал ему: «Не Вы одни осудили «Асю»; слухи о ней доходят неблагоприятные: не вытанцовалась голубушка».

В письме Л. Н. Толстому 27 марта 1858 года из Вены Тургенев сообщает: «Если б мне сказали, что «Ася» вышла отличная вещь — я бы удивился — зная, в каком душевном расстройстве я находился, когда я писал ее — но я бы поверил; а теперь я верю и даже как будто вижу, что она неудачна и плоха».

Вероятно, в тот момент, когда эти строки писались, это мнение Тургенева о своей повести было искренним.

Позднее статьи Писарева, Чернышевского и других поставили повесть на то место, которое она заслуживает, являясь одной из любимых читателями повестей Тургенева.

Публикуя два письма А. А. Фета к И. С. Тургеневу, мы должны отметить, что прочесть их до последнего слова так и не удалось из-за очень мелкого, неразборчивого почерка Фета, о котором Тургенев образно выразился в письме к Фету от 15 февраля 1860 года: «Милый Афанасий Афанасьевич — переписываться с Вами для меня потребность — и на меня находит грусть, если я долго не вижу Ваш **связно-красивый, поэтическо-безалаберный и кидающийся из пятого этажа почерк»** (подчеркнуто нами.— Н. П.).

I

18/30 января, Москва (1858)

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Через четверть часа по получении Вашего письма уже отвечаю, потому что не могу не отвечать. Чувствую, что во мне ужасный порок: нетерпимость и голубой картуз [1]; но тем с большею прытью бегу я навстречу всему симпатическому, тонкому, свежему. Сестра моя, которую мы на днях в нашем доме выдали замуж[2], уверяла постоянно и тем накликала на себя гонения мои, что Вы самый счастливый в мире человек. Действительно, надо с ней отчасти согласиться. Кто в наши лета так духовно свеж, тонок, тому можно позавидовать. Да жаль, что нож не может чувствовать собственной остроты — об этом может только судить хлеб, который он разрезает. Вашу душу я бы сравнил с самой ранней зарей в прохладное летнее утро — оранжевое, чистое дыхание, которое увидит и заметит только любитель природы или пастух, выгоняющий стадо. Сравнил бы с утренним лесом, в котором видишь одни распускающиеся почки плакучих берез, но по ветру несет откуда-то запахом черемухи и слышно жужжание пчелы.— Но довольно, довольно и того, что Вы милейший и драгоценный для меня поэт. Я вчера писал Боткину, что надеюсь на совершенное исцеление Ваше на родной почве.— Да работа будет, но работа не бесплодная. Если бы Боткин подъехал. Пожалуйста, не обманите моих химер, потому что это не надежды — надежды не бывают так нарядны и душисты.— Что касается до моего житья-бытья, то действительно желаю одного, чтобы все оставалось как есть. Мне больше ничего не нужно. Все тихо, чисто и удобно. Жена в таком же восторге от Вашего письма, как и я, и даже наивно вскрикнула: «Да он и в письмах-то какой мастер!» На это получила в ответ вопросительное: еще бы? Боткину я послал 2 стихотворения и трепещу. Потому что во втором разругал древний Рим, т. е. римлян. Какие бессердечные, жестокие, необразованные мучители тогдашнего мира — что ни эпизод, то гадость. Самая virtus[3] их такая казарменная, их любовь к отечеству такая узкая. Сципионы, Катоны при молодцеватости ужасные звери, а первый даже замотавший казенные деньги губернатор. Грубые обжоры, а между тем несчастный Югурта пропадает как собака, великий, величайший Аннибал гибнет. Иерусалим горит, Греция, куда они сами ездят учиться, растоптана, а они со всех концов света бичами и палками сгоняют золото и мраморы для нелепых подражаний грекам и строят круглый пантеон, к которому пришлепнули 4-х угольный ящик!

Но довольно. Не пишу Вам ничего о наших новостях. Об этом всем я писал Боткину и пришлось бы повторяться. Атеней[4], помоему плох.—Вашу повесть[5] проглотим с женой, как только появится в Москве «Современник», с которым я, как сотрудник, раскланялся. Он мне надоел.— Боткин молчит о редакции чисто литературного журнала. А мы с Толстым об этом мечтаем. Он говорит, что имя Тургенева как редактора и Боткина согнало бы в контору всю Русь читающую.

Сестра его все больна[6]. Мне жаль их, они не умеют уютиться, залезли в дорогую, дрянную и холодную квартиру, а теперь перед концом морозов ищут новой квартиры. Льва[7] я сегодня отправил на медведя в Выш[ний] Волочок, к своему знакомому. Сам не могу итти на Мишку — потому что доктор после 5-недельной болезни не велит даже вечером выезжать. Жму Вашу руку крепко, крепко. До конца Святой недели мы в Москве у Сердобинской. Дайте знать, когда Вы будете и много ли клажи с Вами, и я выеду за Вами на чугунку. Надеюсь, у вас в Москве не будет другого притону. Кровать с французскою постелью на пружинах ожидает Вас, и сам побегу за потрохами.

— В свободное время не забывайте нас Вашими короткими, но душистыми письмами. Как прочту повесть, так напишу к Вам и постараюсь надуться на Вашу музу. Но она такая прелестная блондинка с голубыми глазами, что на нее дуться нельзя.

Душевно преданный Вам
А. Фет.

[1] «Голубой картуз» — быть может, это намек на цветные картузы жокеев на скачках.

[2] В январе 1858 года состоялась свадьба сестры Фета Надежды Афанасьевны с Иваном Петровичем Борисовым, близким приятелем Фета.

[3] Доблесть (лат.).

[4] «Атеней» — литературный журнал.

[5] Повесть Тургенева «Ася».

[6] Речь идет о сестре Л. Н. Толстого — Марии Николаевне.

[7] Очевидно, Фет говорит о поэте и переводчике Льве Александровиче Мее, который написал несколько произведений, посвященных охоте, среди них имеется рассказ «Медвежья травля».

II

20 января/1 февраля (1858)

Никак не думал я, что придется разрывать куверт и брать новый листок бумаги, но вышел 1 № «Современника» и я выпросил его у знакомых до нынешнего дня.— А между тем вот что случилось. На столе у себя я застал два письма: одно из деревни, а другое от Григорьева[8]. (Все это между нами, ради бога,— другому бы я ни за что этого не написал.) Я давал Гри[горьеву] денег взаймы, когда мог, но теперь, и особенно в нынешний год, я ужасно истратился и должен сжаться до крайности. Я прожить должен в месяц неизбежно 250 р. сер[ебром], а у меня в настоящую минуту 125 р., которыми я по крайней мере должен протянуть до ½ февраля, да еще сегодня получу 70, но раньше половины февраля все-таки денег не будет, а затем будет столько, сколько мне самому необходимо на неизбежные вещи.

И вдруг Гр[игорьев] умоляет меня выслать ему 250 руб. сер[ебром], которые обещается в июле заплатить рукописью. Что мне делать? Я вынужден отказать, а между тем он из Флоренции швырнул прямо в мою душу такой тяжелый и [не разобрано] камень, что вся моя внутренность всколыхалась. Он один из неизлечимых, а все-таки мерзко глядеть и на него и на себя.— И в этом-то несчастном расположении духа я вынужден был прочесть вечером жене вслух вашу Асю.— Вы просили моей суровости, и она сама пришла, самым для меня тяжелым образом.

Странная и отрадная вещь, что мастер виден по удару резца, по манере класть краски, и мне отрадно было увидать Ваше для меня дорогое лицо выглядывающим из-за кустов в немецких аллеях. От всякого суда я отказываюсь — а говорю свое личное впечатление. Конечно, исключая Вас, никто не напишет на Руси **Аси**. Толстой напишет равноценную вещь — но в другом роде, да и только. Гончаров уже не то — да и баста! Но я положительно никого не знаю и читаю Асю, и от меня требуют моей личной правды. По-моему, начало сухо, а целое — слишком умно. У Вас нет ни умной строки. Это Ваше качество — и достоинство. Во всех Ваших произведениях читатель видит светлый, ясный прелестный пруд, окруженный старыми плакучими ивами. Вы любите этот пруд, и читателю хорошо на него смотреть. Это не мешает ему видеть, если он всматривается, на дымчатом дне пруда целые стада аршинных форелей. Но в Асе форели не на дне, а вставшие так высоко, что нарушают простое наслаждение зеркальной поверхностью. Ужасно умно!!! Но зато в местах, где Вы заставляете забыть умнейшего юнкера Н. Н.,— прелесть. Это даже не те слова. Жена слушала пристально и молча. Но когда я кончил X главу, место безотчетного плаванья по Рейну, она вскрикнула: «Экая прелесть!» Все эти далекие вальсы, все блестящие на месяце камни, описания местностей.— Вот Ваша несравненная сила. В описании лунного столба меня поразило то, что это оптическое явление, основанное на преломлении лучей, совпадает у двух людей, находящихся на противуположных берегах реки. Но это безделица, хотя и подобная безделица там, где все художественно верно,— как-то неприятно действует. Говорите, что хотите, а ум, выплывающий на поверхность,— враг простоты и с тем тихого художественного созерцания. Если мне кто скажет, что он в Гомере или Шекспире заподозрил **ум**, я только скажу, что он их не понял. Черт их знает, может быть, они были кретины, но от них сладко — мир, в который они вводят, действительный, узнаешь и человека и природу — но все это как видение высоко недосягаемо, на светлых облаках. Книга давно закрыта, уже давно пишешь вечерний счет и толкуешь с поваром, а на устах змеится улыбка, как воспоминание чего-то хорошего.

Из Аси я не вынес в душе — это полного, хорового пения, долго — в темноте без сознания дрожащего в душе.— Вот Вам моя сердечная исповедь. Может быть, я был в гадком расположении духа, может быть, да и действительно так, я в этом деле ничего не смыслю,— но я никого не видал — и говорю, что сам вынес из рассказа. Тем не менее я начал эти строки оговоркой. Напиши эту вещь Самопалов — то все бы закричали: читали Вы Асю Самопалова! прелесть! и кричали бы по делам. Но Вы не Самопалов, а Тургенев. Noblesse oblige[9]! — Знаю, что Вы не рассердитесь на мое маранье, надо много любить и уважать человека, чтобы писать к нему первый, забредший в голову вздор. Приезжайте, мы еще потолкуем, да еще как: блаженно! Кланяйтесь Боткину! — Да, жизнь труд и борьба. Работаю над Шекспиром[10]. На будущей неделе принимаюсь за 4-й акт. Что-то будет? Стараюсь быть верным английскому, насколько сил хватает. Везде 5-стопный ямб — только там, где он у Шекспира. Но это два-три стиха в III актах.

Ваш Фет.

[8] Поэт и критик Аполлон Григорьев, который находился в это время в Италии.

[9] Положение обязывает (франц.).

[10] Речь идет о переводе Фетом трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра».

КОНСТАНТИН СОМОВ

Николай РОМАДИН,
народный художник РСФСР

Мастерская Репина — Малявин, Кардовский, Горюшкин-Сорокопудов, Кустодиев, Билибин, Сомов, Остроумова-Лебедева, Бродский... Многоликость дарований, необыкновенное разнообразие талантов. И все они выросли на основе репинской школы. Среди учеников Академии художеств, пожалуй, больше всего имен, вошедших в историю русского искусства,— из мастерской Репина. И дело не в какой-нибудь особой преподавательской системе мастера, а в том, что его горячая увлеченность искусством и абсолютное владение техникой, которую он передавал своим ученикам, создавали прекрасную основу для развития разнообразных талантов.

Сегодня на цветных вкладках журнала воспроизведены картины Константина Сомова — художника, прошедшего репинскую школу и занявшего в русском искусстве свое место. Его творчество было камерно, искренне, изящно. Александр Бенуа после смерти Сомова писал в Париже, противопоставляя его искусство абстракции: «И, надо думать, что, когда все то марево, весь тот кошмар лжи, что сейчас наводнил царство искусства, будут изжиты, когда вся свистопляска современных архигениев так надоест, что уже никому не захочется глядеть на все их выкрутасы, то изголодавшихся по искренности людей потянет именно к искусству скромному, но абсолютно подлинному... И вот тогда среди очень немногих избранных и Сомов займет наверняка подобающее ему место ценнейшего для всех художника, в котором чарующее русское начало чудесным образом сплетено с общечеловеческим».

И сейчас эти слова Александра Бенуа еще раз подтвердились на выставке произведений Константина Сомова, открытой в Третьяковской галерее к 100-летию со дня рождения художника. Здесь собраны академические рисунки и первые портретные работы; пейзажи, которые живописец украшал жанровыми сценками, и жанры, где большое место отведено пейзажу; серия портретов, прославившая художника, и многие другие полотна — «Фейерверки», «Поцелуи», «Влюбленные», в которых наряду с праздничностью, галантностью начинает звучать душевная усталость живописца.

Я всегда был влюблен в живопись Сомова. Но, очень дружа с М. В. Нестеровым, как-то долго не решался признаться своему наставнику и учителю в этом. Мне казалось, что простота, даже некоторый аскетизм живописи Нестерова несовместимы с изысканным искусством Сомова. Но однажды на мое признание о влюбленности в Сомова Михаил Васильевич восторженно сказал: «Да, Сомов — прекрасный художник!»

Сомов — один из зачинателей «Мира искусства», по словам своих современников, «тончайший и самый замкнутый художник», человек «большой художественной культуры...», «как никто другой, чувствующий красоту».

...Старый дом на Екатерингофском проспекте. Квартире Сомовых был присущ совершенно своеобразный характер. Все стены завешаны картинами, среди которых были и действительно значительные произведения. Кроме живописи, у отца художника Андрея Ивановича Сомова было собрание рисунков. Приобретенные на скромные средства, постепенно, они в конце концов представили исключительный интерес и стали впоследствии знаменитой «Сомовской коллекцией графики».

Вечерами, когда собиралась семья, Андрей Иванович открывал коробки, где хранились наклеенные на картон листы, и начинал демонстрацию, с превеликой радостью даря молодежи наслаждение искусством. Самыми интересными были вечера, когда демонстрировались произведения русских художников, потому что они сопровождались рассказами Андрея Ивановича. Много было воспоминаний о Карле Брюллове, которого он знал в молодости. Но особенно подробные рассказы следовали о Федотове. И, может быть, именно это проникновенное знакомство с самого детства с искусством Федотова потом так явно отразилось в творчестве Константина Сомова — сочетанием трогательного и ироничного в его жанровых картинках.

Не только атмосфера искусства в доме у Сомовых воспитывала будущего художника, Андрей Иванович был главным хранителем Эрмитажа, и поэтому маленький Костя говорил об одном из лучших музеев мира как о чем-то домашнем, как о части своей постоянной жизни.

Собственное творчество поначалу доставляло юному Сомову много страданий. Но по мере обучения в академии мастерство его крепнет, а с этим и несколько уменьшаются мучительные сомнения в правильности избранного пути. В дружеском кружке, который потом положил начало направлению «Мир искусства», стало укрепляться мнение о необычайном таланте Сомова. Его студенческие работы отличались не блеском исполнения, а особенно внимательным отношением к предмету, умением тонко передать сложнейшие оттенки тела, звучностью и одновременно сдержанностью колорита. В 1897 году вслед за своими друзьями Сомов приезжает в Париж. Бенуа, Лансере, Бакст здесь создают прекрасные произведения, посвященные Франции. Но Сомов не сумел для своей живописи найти вдохновения за границей. Александр Бенуа вспоминает:

«...Тем временем, что я эти свои версальские впечатления стал тогда же «перерабатывать» в своего рода «исторические фантазии», образовавшие постепенно серию «Прогулок Людовика XIV», в искусстве Сомова, кроме нескольких непосредственных и восхитительных этюдов, никак это его наслаждение Версалем и другими «сценариумами» французского прошлого не отразилось.

Напротив, именно тогда в нем с какой-то особой остротой проснулась ностальгия по родным местам, по родному прошлому, и лучшее, кроме двух-трех портретов, и самое значительное, что им создано в Париже в смысле «сюжетов измышленных», были гуаши или небольшие масляные картины, на которых с чудесной убедительностью восставала жизнь русских дедушек и бабушек. Самая природа, окружавшая его персонажи, самые здания, служившие им обиталищем, не имели ничего общего с природой и с бытом Франции, а являлись тем самым, что пленило его в России на нашем «чахлом и бледном севере»,— вернее, в чем он сам вырос и что он «полюбил своей первой любовью». Блеклые белые ночи, неожиданная яркость зелени на фоне темных туч, ясные, но прохладные вечера среди березок и сирени, чаща соснового леса — все это теперь восставало в его памяти с удивительной отчетливостью и точностью. И все это окутывалось подлинной поэтичностью, вернее, именно эта поэтичность, жившая в Сомове, поэтичность характерно русского привкуса, это «чувство родины» как бы определяло и диктовало самый выбор тем».

В десятилетие на рубеже XIX и XX веков Сомов создает серию портретов: А. К. Бенуа — жены своего друга, художницы А. П. Остроумовой, Е. М. Боголюбовой, Е. М. Мартыновой. Вершина его портретного искусства — портрет Елизаветы Михайловны Мартыновой. Она училась в Академии художеств, была больна туберкулезом и рано умерла. Ее портреты почти одновременно с Сомовым писали И. Э. Браз и Ф. А. Малявин. Каждый художник, естественно, по-своему подходит к решению образа. Эффектно полотно Браза, красив по колориту портрет Малявина. Но картина-портрет Сомова превосходит их. Не случайно этот портрет известен под поэтичным названием «Дама в голубом», потому что в нем художник создал не только свой идеал красоты, свой образ «Прекрасной дамы», но и собирательный образ. Современники восторженно оценили этот портрет, назвав «Даму в голубом» «Монной Лизой Джокондой современности».

Пространство картины делится на два плана. Наше внимание художник сосредоточивает на первом плане — фигуре, лице Мартыновой. Куст, на фоне которого написан портрет, декоративен, плоск, как театральный кулисный занавес, за которым вдали происходит какое-то действие. Мы не сразу обращаем внимание на фигурки кавалера и дамы, играющих на флейтах. Но когда переводим туда взгляд, то перед нами возникает маленький условный красивый мир. Как возникает он? Может быть, это видение навеяно книжкой, которую держит в руке героиня? Или это то прошлое, которое припомнилось самому художнику и которое всегда кажется прекрасным, идеальным? Эти два плана композиции как бы связывает фигура молодого человека, чье портретное сходство с автором портрета несомненно. И в этом есть какая-то символика.

Портрет написан виртуозно. Художник, применяя лессировку, добивается тончайших живописных нюансов, его техника приближается к технике старых мастеров, утерянной в это время.

Потом Сомов отходит от портретов-картин и создает интересную серию графических портретов художников и писателей.

...Портрет Александра Блока — один из самых совершенных среди этих работ. Он прекрасно нарисован. Точная линия, подробная графическая лепка лица передают сложный характер, многоплановый душевный мир поэта. Композиция, где на всем листе крупно расположен рисунок головы, монументальна. Напряжение мысли — вот основное впечатление от портрета. Блок писал матери: «Сейчас Сомов показал нам мой рот и нижнюю часть лица — очень мне нравится». А в другом письме: «Мне портрет нравится, хотя тяготит меня». И тем не менее этот портрет — лучший из всех существующих сейчас портретов поэта.

Известность Сомова в 900-х годах была очень велика. Его портреты нередко ставились в один ряд с шедеврами Серова. Так, И. Э. Грабарь писал в «Истории русского искусства»: «Сомов вместе с Серовым является лучшим портретистом последних десятилетий, и если он не такой живописец, как Серов, то, во всяком случае, он не менее метко, а часто более проникновенно схватывает характер человека. Он совершенно свободен от серовского пристрастия к подчеркиванию несущественных и, если существенных, то не единственных особенностей характера и в своем творчестве ближе к старым портретистам, которые скорее идеализировали, нежели высмеивали изображаемых ими людей».

В работах последующих лет у Сомова появляется пессимистическая усмешка, а затем и ноты иронии. Но они не принесли счастья его творчеству. В произведениях Сомова появились отчужденность, замкнутость. И это не было позой, это было отражением душевного состояния — художник действительно переживал духовный кризис.

Тоска по России. Жизнь на чужбине... Сомов жил в эмиграции всеми забытый. Искусство его никому не было нужно. Художник черпал радость творчества лишь в воспоминаниях о родине. За пятнадцать лет в Париже у него была всего одна выставка, да и та, по свидетельству очевидцев, «прошла совершенно незамеченной, в очень скромной галерейке».

В нашей же стране поэтическая живопись Сомова, неизменно согретая любовью к России, была и осталась понятной и близкой.

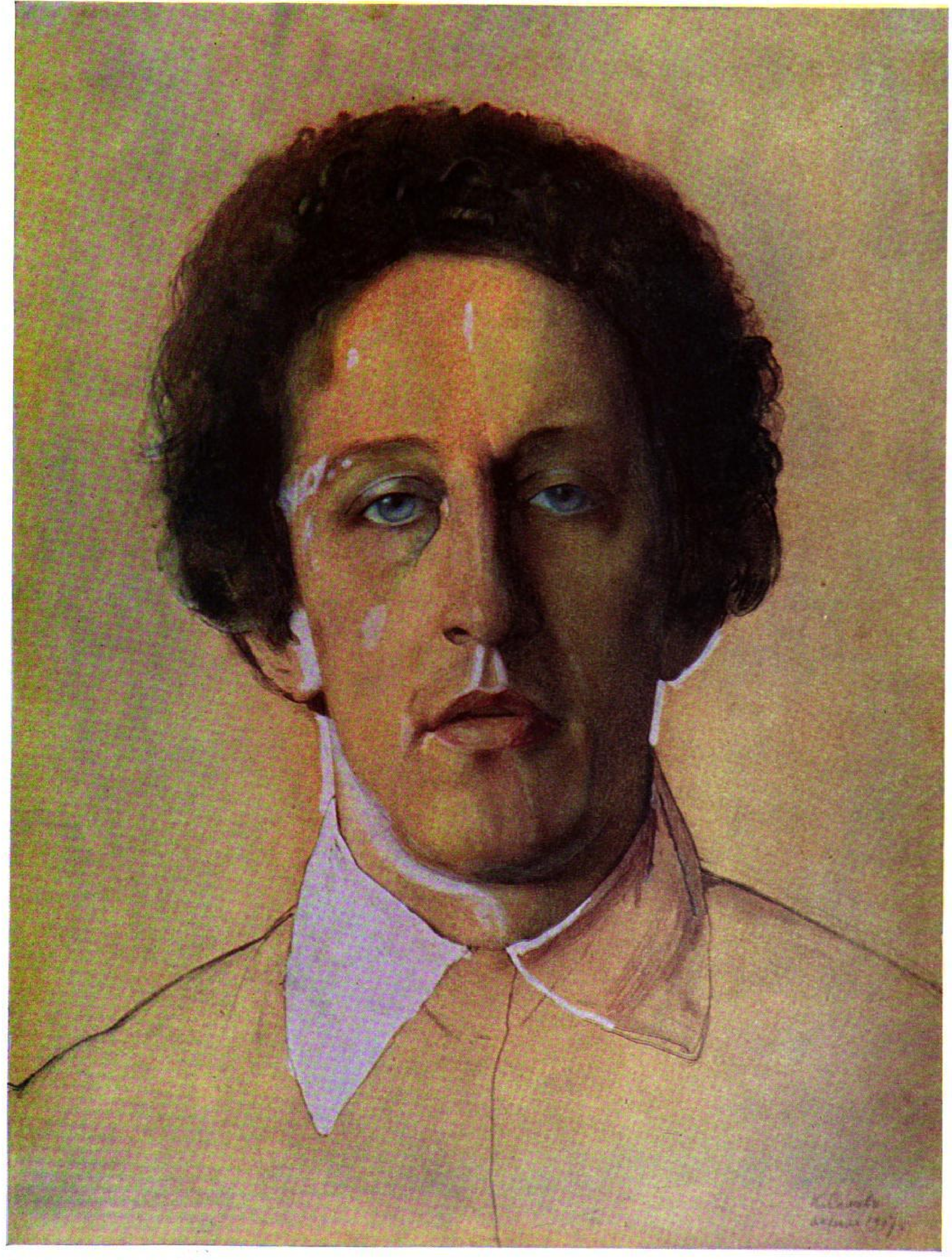
К. Сомов. 1869—1939. ДАМА В ГОЛУБОМ. ПОРТРЕТ Е. М. МАРТЫНОВОЙ. 1897—1900.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Сомов. ЗИМА. КАТОК. 1915

Государственный Русский музей.

К. Сомов. ПОРТРЕТ А. БЛОКА. 1907 г. Государственная Третьяковская галерея.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

ОЗАРЕННЫЙ БУДУЩИМ

Л. ТИМОФЕЕВ,
профессор,
доктор филологических наук

Выходят все новые и новые статьи и книги о Блоке, многое в его творчестве и жизни освещено четко и широко, но многое еще и неясно. Еще не получил полного ответа и вопрос о месте Блока в советской литературе.

Кто он? Только ли завершитель высоких традиций русской классики, с необычайной силой их выразивший и остановившийся как бы у порога принципиально нового ее развития, у начала художественных свершений, выходящих за пределы накопленного в прошлом опыта? Или он зачинатель, уже перешагнувший через этот порог, сумевший как художник услышать голос революции и ответить на него своим творчеством?

Для Маяковского, например, Блок — это «эпоха недавнего прошлого», он лишь «любовно памятен» для тех, кто в своем героическом труде созидает поэзию будущего, кто смог «вырваться из его обвораживающих строк».

Иначе смотрел на себя сам Блок. «Может быть,— писал он о своей поэме — ... кто знает!.. «Двенадцать» прочтут когда-нибудь в не наши времена».

«Поэма,— говорил он,— написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства... Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»...»

Нет спора, трудно назвать поэта, который бы с такой полнотой вобрал в свое творчество самые различные традиции русской поэзии XIX века.

Последнее его стихотворение было обращено к Пушкину.

В. Жуковский и П. Вяземский, М. Лермонтов и Н. Некрасов, А. Фет и А. Толстой, В. Соловьев и А. Апухтин, А. Григорьев, Я. Полонский, Ф. Тютчев — всё, вплоть до древнерусской поэзии («На поле Куликовом»), переплавлялось в творчестве Блока, входило в целостную, единую стихию его творчества, определяло главное направление его развития.

И если попытаться в одном слове определить основное содержание этой стихии, то слово это очевидно: гуманизм.

Боль за человека:

Ты видел ли детей в Париже?
Иль нищих на мосту зимой?

Гнев за человека:

Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

Вера в человека:

Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Эта широкая, всеобъемлющая волна гуманизма и несла творчество Блока к революции.

Но внес ли Блок в унаследованное им гуманистическое наследие такие черты, которые обозначили развитие гуманизма? Стал ли он зачинателем нового движения искусства, его прогресса, связанного прежде всего с гуманистической основой искусства? Если, конечно, можно говорить о прогрессе в области искусства.

За рубежом его склонны отрицать вслед за Бенедетто Кроче, полагавшим, что «не существует никакого эстетического прогресса человечества».

Совсем иначе думают об этом советские ученые.

Академик Н. И. Конрад видел в эстетическом накоплении «суть прогресса, создаваемого средствами литературы», а в идее гуманизма «высший критерий настоящего человеческого прогресса».

Гуманизм — это понятие не однозначное, его содержание зависит от исторических условий, его развитие ранее было лишено непрерывности, эстафетности, периоды подъема сменялись периодами упадка.

Лишь превращение рабочего класса в решающую общественную силу, лишь Октябрьская революция определили его социалистическое содержание, его всемирно-историческое, интернациональное значение, поступательность его движения. Уловил ли Блок эти новые черты гуманизма революции? Встал ли в ряд зачинателей советской литературы?

Сам он много думал и писал о гуманизме. Мы дорожим мыслями писателя о задачах и целях гуманизма, но всего важнее для нас его художественное, творческое прозрение нового, то именно, в чем он неповторим как художник.

Вспомним Пушкина:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...

В нашу эпоху «божественный глагол» — это глагол революции, как он выразился в искусстве, как откликнулся на нее поэт, даже если «заботы суетного света» и сказывались на нем.

«...Кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое»,— писал после Октября В. И. Ленин.

«Во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)» — это слова Блока.

Так благодаря обостренному поэтическому чутью возникло у Блока это соответственное ощущение, соответственное понимание им происходящих событий. Это соответствие говорит только об одном, что в грозовой революционной эпохе, если так можно сказать, накапливалась энергия, которая давала родственные по своей сути разряды.

Эти вспышки грозовой энергии революции пронизывают и «Двенадцать» и «Скифы», отвечая ее природе, формируя те образы, те художественные обобщения, которые в той или иной форме найдут отклик в советской литературе, передавая сущность происходящих событий. Конечно, само по себе то или иное сходство образов и тем, восходящих к общим источникам самой жизни, не дает оснований говорить ни о первородстве, ни о непосредственном влиянии. Чаще всего, возможно, перед нами параллельные пути, соответствия, и не более.

Конечно, скажем, роман Зазубрина «Два мира» не может быть непосредственно соотнесен с тем пафосом борьбы двух миров, который с такой силой звучит и в «Двенадцати» и в «Скифах»; конечно, формула о всемирно-историческом значении Октябрьской революции отнюдь не повторяется в строках поэмы «Двенадцать»:

Мировой пожар в крови —
Господи, благослови! —

но все это, однако, озарено тем «сиянием будущего», той «верой в завтрашний день», которые видел М. Горький в революционном романтизме поэмы Блока.

Точно так же и в красногвардейцах поэмы, которые вступают в поэму под знаком «бубнового туза», а уходят в даль времени и пространства боев революции:

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга́ пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ! —

в этих красногвардейцах мы не можем не видеть внутреннего и непререкаемого родства с героями будущих произведений советской литературы о гражданской войне.

Да, в гуманизме Блока, воспринятом им в традиции нашей классики, произошли органические изменения, он предстает перед нами уже в новом облике — гуманизма борьбы, гуманизма революции.

Конечно, мы не должны забывать и о том, что в творчестве писателя всегда соединены и объективно-историческое и субъективно-личное, что «заботы суетного света» — это и его взгляды, противоречия, горечь или обиды, вызванные, может быть, только текущим днем.

Но мы ищем в его произведениях ответ на основные вопросы его эпохи, нам важно определить главное направление его творчества, его связь с литературным процессом в целом.

О появлении Христа в конце поэмы «Двенадцать» написано много, и многое в нем разъяснено.

Здесь перед нами наиболее острый пример и близости поэта к революции и отдаленности от нее в то же время.

«Я, хотя и не мог бы написать теперь то, что писал тогда, не отрекаюсь ни в чем от писаний того года»,— сказал Блок в 1920 году.

Он не мог бы отречься, если бы и захотел: в его поэзии звучал божественный глагол революции, и поэтому она остается с нами и останется и в не наши времена, как виделось и ему самому.

МАКЕЕ

Золотой ключик по-макеевски.

Федор Федорович Шилов:

— Вышли на второй миллион!

В доме поселилось будущее.

БОЛЕЕ 100 МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН СПРАВИЛИ НОВОСЕЛЬЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ. ОКОЛО 70 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ—КАПИТАЛЬНЫЕ ВЛОЖЕНИЯ НА ЖИЛИЩНОЕ И КОММУНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАВЕРШАЮЩЕЙСЯ ПЯТИЛЕТКЕ.

ВСКИЙ МИЛЛИОН

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото А. НАГРАЛЬЯНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Много торжеств видела Макеевка: открытие драмтеатра и дворцов культуры, чествования шахтеров и металлургов. Но эти торжества не идут ни в какое сравнение с событием, состоявшимся недавно на Московской улице, у дома № 22. Многолюдный митинг, цветы, речи, поздравления, открытие памятной доски, вручение ключей...

— Такое бывает раз в десять лет,— улыбается управляющий трестом Макеевжилстрой Г. В. Магеря.— Мы сдали многоэтажный дом, который венчал миллионный квадратный метр жилой площади, построенной у нас в Макеевке за последнее десятилетие. Это четвертая часть всего жилого фонда города — цифра внушительная!

...После митинга начались новоселья. Первым получает ключ от квартиры бригадир каменщиков Ф. Ф. Шилов.

— Федор Федорович,— спрашиваю я,— этот дом вы тоже строили?

— А как же! И этот и сотню других! Как-никак, а с мастерком не расстаюсь тридцать пять лет. Черемушки видели? Да нет, не московские, а наши, макеевские. Степь была, бурьян да овраги. Теперь — большущий район! Кто забивал первый колышек? Я. Да и миллион этот начинала моя бригада. Мы же его и завершили. Теперь на второй миллион пошли. Так что смело могу сказать словами Маяковского: «Улица — моя, дома — мои»... Дальше, кажется, про магазины? Строил и магазины. Школы, больницы, ясли, дома культуры — тоже наша работа. Идемте квартиру смотреть,— неожиданно предложил он.

Поднимаемся на второй этаж. Федор Федорович распахивает дверь и говорит:

— Примета есть: если первым в дом входит гость, значит, быть этому дому счастливым и хлебосольным. Берите-ка буханку хлеба, а на нее — щепотку соли... Шагайте через порог!.. Знакомьтесь с квартирой, а я — за шампанским.

Хороша квартира! Три светлых комнаты, со всеми удобствами.

— Осторожно! Лак не обдерите! Это же вам не вагонетка! Это ж инструмент! Музыкальный! — звенит на площадке женский голос.

Выглядываю на лестницу и вижу: двое здоровенных парней тащат пианино. Да что там — тащат, несут легонько, как перышко. Минута — и пианино в соседней квартире. Шахтеры, определяю я. Есть верная примета, по которой всегда узнаешь шахтера: глаза у него подведены, как у модниц-девчат. Угольная пыль так въедается в ресницы, что отмыть ее невозможно.

Познакомились. Оказалось, что соседом Федора Федоровича стал проходчик шахты «Октябрьская» А. В. Прохорович. Квартира у него тоже трехкомнатная. Пока жена прикидывала, что куда ставить, десятилетняя Леночка и трехлетний Сережа, не раздумывая, заняли самую светлую комнату. Тишина стояла подозрительно долго. Потом Леночка вышла и важно приклеила к двери кусок картона. Мы прочитали. В углу был нарисован светофор с прищуренным красным глазом. А рядом торчком стояли сердитые буквы: «Без стука не вхадить!»

Решив не беспокоить строгую Леночку, я выбираюсь на лестницу и тут же увязаю в ведрах, бидонах и кистях. Ничего не понимая, иду в квартиру, вслед за малярным реквизитом. Здесь в разгаре ремонт.

— Да, начинаю с ремонта! — заявляет заместитель главврача рудничной больницы Н. П. Лихогруд.— Это что ж такое — все стены белые. Да они мне в больнице надоели. Сделаю-ка я квартиру разноцветной. Пусть будет позвонче.

Этажом выше пыхтит под грузом Ю. Н. Попов, доцент Макеевского филиала Донецкого политехнического института, кандидат технических наук... Втащив наконец в комнату письменный стол, он водружает на него груду папок и говорит:

— Все! Теперь докторская в кармане!

— То есть как?..— не понял я.

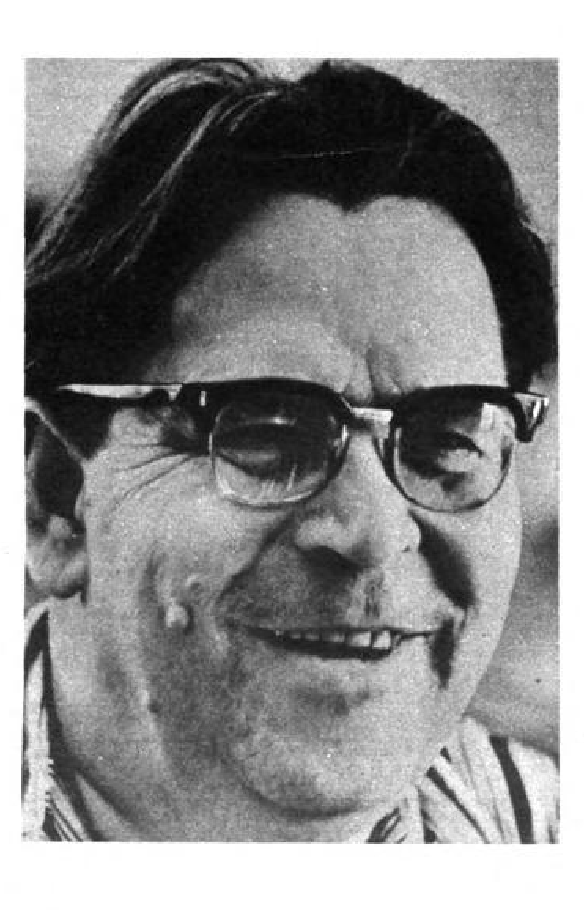
— А так. Теперь имею свой кабинет.

В тот же день я познакомился с самым невезучим новоселом. Им оказался Герой Социалистического Труда, учитель математики Максим Романович Осадчий. Надо же так случиться, что в день получения ордера разыгрались старые хворобы, нажитые еще на фронте. Пришлось лечь в больницу.

И все же Максим Романович отпросился на часок у врача и пришел посмотреть свою новую квартиру. Переступил порог и заявил, что ни в какую больницу возвращаться не будет: надо развесить картины, расставить книги, и вообще болеть в середине учебного года — последнее дело. Для этого есть каникулы. Отпуск, наконец, тоже можно использовать.

...Близится вечер. Все меньше машин с новоселами. Все громче песни, несущиеся из-за приоткрытых дверей. Люди запросто заходят друг к другу, знакомятся, садятся за наспех собранный стол и произносят тосты за счастливую жизнь, за строителей, подаривших им такой хороший дом.

И только Федор Федорович Шилов не за столом. Он ходит из квартиры в квартиру, с улыбкой выслушивает многочисленные «спасибо», а сам между делом расспрашивает новоселов: какие будут претензии? Шилов не просто каменщик, он Строитель с большой буквы. Пройдет несколько месяцев — и ему сдавать дом, который положит начало второму миллиону.

М. Р. Осадчий:
— Спасибо вам, строители!

СДАЧЕЙ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ
ЭТОГО ДОМА В СЕНТЯБРЕ 1970г
В ГОД СТОЛЕТИЯ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ В.И. ЛЕНИНА
ТРЕСТ „МАКЕЕВЖИЛСТРОЙ"
И СУБПОДРЯДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ЗАКОНЧИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО
1.000000 м² ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ.

◀ Раз-два, взяли!

Молодые архитекторы Любовь и Александр Ивановы:
— Шагай, Олежка, постигай архитектуру!

Среди новоселов Герой Социалистического Труда доменщик Николай Рассказов.

ДАРЕНОМУ КОНЮ...

Ахмад Шах БОХАРИ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Пакистанский писатель Ахмад Шах Бохари известен больше под псевдонимом Патрас. Окончив Кембриджский университет (факультет английской литературы), Патрас вернулся на родину, где преподавал и много переводил с английского на урду. После провозглащения независимости страны Патрас занялся дипломатической работой. С 1954 года Патрас был заместителем Генерального секретаря ООН.

Скончался Ахмад Шах Бохари в 1958 году, оставив по себе добрую память литератора, просветителя, дипломата.

Однажды я и Мирза сидели на веранде, наши кресла стояли рядом. Мы молчали. Когда дружба стара, слова становятся ненужными. Можно наслаждаться даже молчанием. Именно это мы и чувствовали в то время. Я не могу сказать, о чем думал Мирза, но сам я сетовал на неблагосклонность времен. Вдали по дороге одна за другой проносились автомашины. Я такой человек, что, где бы я ни видел автомашину, меня всегда беспокоят мысли о превратностях судьбы, и я сразу же начинаю размышлять о том, как богатства мира распределить между людьми более равномерно.

Я тяжело вздыхал. Мирза не обращал на это никакого внимания. Я нарушил молчание, спросив его:

— Мирза, какая разница между нами и животными?

— Какая-нибудь есть,— заметил он осторожно.

— Сказать тебе, какая? — приставал я.

— Ну, давай,—согласился он.

— Никакой,— сказал я.— Слышишь меня, Мирза? Между нами и животными... по крайней мере между мной и животными нет никакой разницы. Ты можешь сказать, что животные жуют жвачку, а я нет. У животных есть хвост, а у меня нет. Ну и что из этого? Если эти вещи что-либо и доказывают, то лишь то, что они выше меня. Однако в одном важном отношении мы равны: как они, так и я передвигаемся на своих ногах. Что ты скажешь на это? Ничего. Если у тебя есть что сказать, говори. Но ты не можешь. Тогда сиди спокойно. Со дня моего рождения я хожу на своих, хожу! Ты не знаешь, что такое ходьба. Ходьба означает движение по поверхности земного шара таким образом, что одна твоя нога всегда соприкасается с землей. Это означает, что всю мою жизнь моим единственным средством передвижения является то, что я держу одну ногу на земле и поднимаю другую, затем наоборот. О боже, Мирза, такой образ жизни атрофирует мозг, огрубляет чувства и убивает воображение.

Пока я произносил эту речь, Мирза курил с таким безучастием, что мне захотелось закричать. Я отвернулся с выражением высшего презрения. Мирза, казалось, будто бы не верил в то, что я говорил, будто страдания, которые я расписывал, были чисто воображаемыми. Другими словами: жалоба на обязанность ходить была чем-то недостойным, чтобы слушать, а это было равносильно тому, что я был недостоин какого-либо другого вида передвижения. Я сказал про себя: «Ну, хорошо, Мирза, держись».

Я стиснул зубы и, наклонившись вперед, пододвинулся с креслом к Мирзе. Мирза повернул голову ко мне. Я улыбался, но улыбка моя была горькой, как желчь. Когда Мирза, казалось, совсем подготовился к восприятию моих слов, я произнес:

— Мирза, я... собираюсь... купить... автомашину.

Сказав это, я отвернулся с полным безразличием.

— Что ты сказал? — спросил Мирза.— Что ты собираешься купить?

— Ты не понял меня,— сказал я,—я собираюсь купить автомашину. Это экипаж, который некоторые люди называют машиной, а некоторые — авто.

Мирза лишь хмыкнул.

На сей раз не Мирза, а я курил с великим безучастием. Я поднял бровь, поднес сигарету к губам и выпустил дым, а затем отвел руку с такой грациозностью, что мне мог бы позавидовать даже актер.

Через некоторое время Мирза вновь хмыкнул.

«Действует»,— подумал я про себя. Мне хотелось, чтобы он что-нибудь сказал. Но Мирза просто хмыкнул.

— Мирза,— сказал я,— насколько мне известно, и дома, и в школе, и в колледже ты изучал два или три иностранных языка. К тому же ты знаешь слова, которые не услышишь в приличных домах, или в школах, или в колледжах. Однако твоя речь в настоящее время не идет дальше «хм».

— Я задумался над значением слова «купить». Ты только что сказал, что собираешься купить автомашину. Ведь, молодой человек, купля является актом, который требует денег. Где ты их возьмешь?

Такой вопрос не вставал передо мной, но я не растерялся.

— Могу продать многие ценные вещи.

— Например?..— поинтересовался Мирза.

— Во-первых, этот портсигар,— сказал я.

— Хорошо. Это решает проблему в отношении полрупии. Ну, а как с остальными тремя тысячами? Если ты сможешь достать остальные таким же образом, тогда нет никакой проблемы.

На этой стадии стало целесообразным временно прекратить разговор. В страшном негодовании на реакцию Мирзы я замолчал. Всю свою жизнь я не мог сказать, откуда люди достают столько денег. Поразмыслив, я пришел к выводу, что они крадут. Мне стало много легче.

— Я предлагаю выход,— заговорил Мирза.— Почему бы тебе не занять велосипед?

— Но проблема денег остается по-прежнему,— возразил я.

— Бесплатно,— заявил Мирза.

— Бесплатно?!— воскликнул я.— Как?

— Ну, это неважно. В конце концов вряд ли прилично брать с друга. Если ты откажешься принять помощь, тогда другое дело.

Когда я почувствовал себя вне опасности пострадать от разрыва сердца, угрожающего людям, которые неожиданно узнают очень хорошую новость, я рискнул заговорить:

— От кого?

— У меня лежит велосипед. Ты можешь взять его.

— Повтори еще раз, пожалуйста.

— Брат, у меня лежит велосипед. Что мое, то и твое. Бери.

Мне стало стыдно. Я даже взмок. Такая бескорыстность и такой альтруизм в двадцатом веке! Я пододвинулся с креслом поближе к Мирзе. Как выразить мои сожаления и благодарность?

— Мирза,— начал я нерешительно.— Во-первых, я хочу попросить прощения за грубость и невежливость, которые я проявил только что к тебе. Во-вторых, я хочу признаться тебе сегодня, и я надеюсь, что ты оценишь мою честность и простишь меня, у тебя ведь доброе сердце. Я всегда считал тебя очень эгоистичным, хитрым и жадным человеком. Пожалуйста, не обращай внимания на мои слова. В конце концов человеку свойственно ошибаться. Но сегодня ты доказал свою дружбу и свое благородство. Мне причиняет боль думать, как низок и неправ я был. Пожалуйста, прости меня.

В глазах у меня стояли слезы. Я был уже

готов целовать его руки и спрятать голову в его коленях, чтобы скрыть слезы, когда он заметил:

— В этом нет никакого благородства или великодушия. У меня есть велосипед. Я ли езжу на нем, или ты, не все ли равно.

— Мирза,— сказал я.— Я не могу взять его даром. Это невозможно.

— Это то, чего я боялся. Ты настолько чувствителен и горд, что не можешь принять даже самой маленькой помощи, хотя, видит бог, это совсем не помощь.

— Все равно,— упорствовал я,— ты должен назвать цену.

— Ты ставишь меня в неудобное положение, говоря о цене. Цена, за которую я купил его, была довольно высокой, но теперь он стоит дешевле.

— В конце концов, сколько ты заплатил за него?

Я заплатил за него сто семьдесят пять рупий, но в те дни велосипеды были редки, поэтому и цена была несколько высокой.

— Он очень старый?

— Не очень. Мой сын ездил на нем в колледж, а он окончил его всего два года назад. Ну, конечно, он несколько отличается от современных велосипедов. Современные велосипеды, как жестянки, их покупают глупые студенты, соблазняясь дешевизной. У старых велосипедов прочные рамы.

— Но, Мирза,— сказал я.— Я никогда не смогу уплатить не только сто семьдесят пять рупий, но даже и половины этой суммы.

— Да я и не прошу тебя уплачивать столько много. Во-первых, я не хочу ничего совсем, а...

— Нет, нет,— запротестовал я,— некоторую сумму ты должен получить. Давай сделаем так. Я положу деньги тебе в карман. Ты идешь домой и считаешь. Если ты принимаешь, завтра присылаешь мне велосипед. Если нет, возвращаешь деньги. Сидеть и спорить о цене, как торговцы, выглядит несколько некрасиво.

— Ну, как хочешь. Я все-таки говорю, что не стоило бы поднимать вопрос о деньгах, но я знаю, ты никогда не согласишься.

Я ушел в свою комнату и задумался. Использованные вещи часто продают за полцены, но, когда я сказал Мирзе, что не смогу уплатить ему и половины стоимости, он не возражал. Ведь этот бедняга еще настаивает, чтобы я не платил ему ничего. Но как можно взять бесплатно? В конце концов это велосипед — средство передвижения, которое следует отнести к числу таких видов транспорта, как кареты, фаэтоны и автомашины. Открыв шкатулку, я обнаружил, что все мои денежные накопления составляют сорок шесть рупий. Это была неудачная сумма: сорок пять или пятьдесят звучит лучше. Но если можно дать сорок пять, почему не дать лишь сорок? Числа, у которых на конце нуль, выглядят более респектабельно. Итак, решено. Я уплачу ему сорок. Бог даст, Мирза согласится.

Я зажал деньги в кулак, вышел и положил их в карман Мирзе.

— Мирза,— сказал я,— пожалуйста, считай это не как платеж, а как подношение от бедного друга. Если ты не раздражен и принимаешь его, то пришли, пожалуйста, велосипед завтра.

Когда Мирза собрался уходить, я сказал еще раз:

— Мирза, пришли его рано утром.— И, прежде чем он ушел, я повторил: — Пришли его часов в восемь-девять утра... И помни, Мирза, это лишь символическая плата. Пожалуйста, думай не о сумме, а о чувстве, которое кроется за этим... До свиданья... Я так тебе обязан... и прости мою грубость... такие вещи случаются между друзьями... Итак, завтра часов в восемь-девять утра... определенно... До свиданья.

— Только протри его,— сказал Мирза,— и смажь. Я сделаю это, если слуга будет свободен.

— Да, да. Все это будет сделано. Не беспокойся. Пришли его завтра, определенно... к восьми, половине девятого... хорошо... До свиданья.

Я лег в кровать и начал строить планы своих выездов на велосипеде. Я решил, что в течение двух-трех дней осмотрю все исторические памятники и интересные развалины в окрестностях города. Следующей весной, если будет возможно, поеду в Кашмир. Каждое утро я буду ездить купаться на реку. Вечером, когда другие люди выходят прогуляться по Моллу, я выйду тоже, но со своим велосипедом; и на этом сверкающем бульваре буду кататься мимо пешеходов, как шар из слоновой кости. Лучи заходящего солнца упадут на спицы и другие блестящие части велосипеда, и они засверкают, и велосипед будет выглядеть, как золотой лебедь. Снова и снова мне хотелось бежать к Мирзе и прижать его к сердцу. Всю ночь даже во сне я молил, чтобы Мирза согласился взять деньги и прислал бы велосипед.

Как только я встал, слуга сообщил мне радостную новость: велосипед прибыл.

— Так рано? — спросил я.

— Он прибыл вчера вечером, но, поскольку вы легли спать, я не стал беспокоить. Вместе с велосипедом господин Мирза прислал гаечный ключ.

Я был несколько удивлен поспешностью Мирзы, но, подумав, понял, что поскольку он честный и прямой человек, то не захотел задерживать велосипед ни на минуту после того, как получил за него плату.

Я сказал слуге:

— Оставь ключ здесь, пойди и хорошенько почисть велосипед. И смотри, после того как хорошенько почистишь, сходи и возьми масла в мастерской на углу у перекрестка. И скажи, чтобы не давали плохого, которое может испортить велосипед. Велосипедные части нежны, и их легко можно попортить. Теперь вынеси велосипед. Я выйду через минуту. Затем поеду прогуляться. Да хорошенько почисть его, но не три очень сильно, а то можешь попортить полировку.

Я принял наскоро ванну. В ванной я напевал популярные мелодии. Затем переоделся, положил ключ в карман и вышел из комнаты.

Выйдя на веранду, я заметил странную машину, лежавшую у стены. Я не смог определить, что это такое, и спросил у слуги:

— Что там лежит?

— Сэр, это велосипед.

— Велосипед. Чей велосипед?

— Его прислал господин Мирза. Для вас, сэр.

— А где велосипед, который он прислал вчера вечером?

— Вот, сэр.

— Какая ерунда! Это тот велосипед, который он прислал вчера вечером?

— Да, сэр.

— Правда? — Я начал разглядывать предмет.— Почему ты не почистил его?

— Сэр, я чистил его уже несколько раз.

— А почему он такой грязный?

Продолжение см. на стр. 26

ТО ЖИВОЕ, ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ...

До новых встреч!.. Автоклуб из города Спасска-Дальнего.

— Развитие культуры края для коммунистов Приморья идет неотрывно от главной задачи — строительства коммунизма,— сказал в беседе с корреспондентом «Огонька» Н. П. Толченовой первый секретарь Приморского крайкома КПСС Виктор Павлович Ломакин.— Тут, как везде, мы руководствуемся бессмертным ленинским учением, а Ленин напоминает нам, что задачу строительства коммунизма можно решить, «только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет... непосредственную работу...», что делает коммунизм плодотворным руководством к действию.

Думается, большевики Приморья могут сказать: то поистине живое, что объединяет и сплачивает тысячи и десятки тысяч людей в единый отряд, решающий благородную задачу дальнейшего роста культуры края, прежде всего и есть коммунистическое отношение к делу. Такая инициатива, такая душевная отдача, которые не дают останавливаться на достигнутом, заставляют идти дальше, искать новое, все шире приобщая человека труда к культуре, творчеству, искусству.

Назову лишь несколько цифр,— продолжает В. П. Ломакин.— Они позволят представить работу, проделанную в Приморье. В 1922 году здесь было, к примеру, шесть маленьких кинотеатров. Деревня же вообще не знала, что такое кино. Сегодня в крае 2 040 киноустановок, завершена сплошная кинофикация села. Подсчитано, что каждый наш зритель за год был в кино 29 раз, а сельский зритель смотрит кино еще чаще — 36 раз. Новые современные кинотеатры строятся во Владивостоке, Уссурийске, Находке, Лесозаводске, Лучегорске, других городах и поселках.

Много в нашем крае клубов, домов и дворцов культуры. Характерно, что большинство из них — 215 из 239 существующих — опять-таки находятся в сельской местности. И повсюду можно встретить энтузиастов — людей, отдающих все свободное время творчеству. В год ленинского юбилея в концертах и спектаклях выступило 5 600 человек.

Сейчас участники художественной самодеятельности с большим подъемом готовятся к XXIV съезду КПСС. Эту подготовку вы можете сами увидеть в любом уголке Приморского края,— сказал в заключение краткой беседы В. П. Ломакин.

Призвание Светы Луканченковой

Мы едем в Спасск, Спасск-Дальний, тот самый легендарный город, о котором народ до сих пор вспоминает в песне: «Штурмовые ночи Спасска».

Мы едем, а вокруг, по всему горизонту, опять же песенные, знаменитые долины и взгорья. Именно взгорья. Сопки.

Извилистая, прихотливо ломаная линия сопок, неизменно окружающих горизонт, нежно-голубых или туманно-лиловых, иногда совсем синих, почти черных, причудливо, подобно облакам, меняет очертания. Медленно, как бы нехотя, поворачиваются сопки то одним, то другим боком, и их мягкие, плавные повороты создают удивительную игру нерезких, тающих в прозрачном воздухе штрихов, полную неизъяснимого очарования...

Призвание какого-то художника обязательно должно быть подвластно колдовскому этому очарованию. И оказалось, что художник такой в Спасске есть,— своеобразный, покоренный именно пластикой движения линий, тонких, как музыка.

Правда, пока мало еще кто знает этого художника — мастера-резчика Свету Луканченкову.

Работает Света в небольшой мастерской, изготовляющей сувениры из китового уса, зуба кашалота и коровьего рога. Как видите, «сырье» довольно неожиданное и само по себе не очень, может быть, располагающее к вдохновению. Однако же прелестные изделия Светы — смешные, выразительные птицы и звери, крохотные парусные лодочки, разные цветы и листья — делают очевидной ту бесспорную истину, что источник вдохновения не вне художника, а внутри него.

Приятно смотреть на вещицы, изготовленные Светой. В них есть тот скрытый смысл, который придает им значительность, превращает их в дело, нужное людям, как всегда нужна красота, выраженная руками человеческими...

Из мастерской, где работает Света, сувениры поступают в магазины Приморья; их мгновенно раскупают... Франтоватые петухи, пьющие воду друг против друга, не просто утоляют жажду, но и еще красуются один перед другим; влюбленные пингвины задумчиво стоят рядышком. И видишь в этих фигурках ту самую, здесь родившуюся, плавно закругленную, скользящую и плывущую линию, которая и должна была вдохновить человека-художника, сообщить ему то своеобразие, которое нельзя ни скопировать, ни перенять у кого-либо, кроме родной земли, родной природы.

Приморье — вторая, но, пожалуй, настоящая родина Луканченковой. Ибо человек рождается как человек там, где находит и раскрывает себя. Впрочем, Света, сирота, раскрыла свое дарование уже в детдоме, а потом в Холмогорах — в училище, куда приняли ее сразу, едва увидели рисунки, посланные девочкой.

О детдоме и училище Света вспоминает с благодарностью:

— Мне повезло: хорошие там люди, много доброго от них получила; наверное, уже мне самой пора долги отдавать...

И Света отдает долги! Она, коммунистка, несет свет души, свет творчества тем, кто работает с ней бок о бок в маленькой мастерской, кто учится у нее отношению к жизни, видит в ней живой пример для подражания.

— Сама-то я собой недовольна,— признается Светлана,— учиться дальше надо, сама чувствую... И боюсь своей судьбы и верю в нее.

Так, наверное, и следует жить в творчестве: с трепетной боязнью творчества, всей его ответственности, но и с великой верой в его силу, преобразующую, объединяющую людей.

С автоклубом в Зеленовку

— Автоклуб — машина интересная: видно, делали ее хорошие люди. Специально для хорошего, культурного дела делали!.. Обо всем позаботились — все толково, с умом придумано. Тут тебе и рупор на крыше, чтоб быстро и весело людей собрать, тут и магнитофон и киноустановка. Куда ни приедешь, сразу же хоть концерт, хоть фильм, хоть лекцию начинай! Конечно, малость тесновата машинка: с удобством человек пятнадцать посадишь. А у насто, глядишь, и все сорок впихнутся — прямо на полу устроятся; ну, так что ж, разве только смеху прибавится: известное дело, молодежь!

Так рассуждая и так приговаривая, Максим Михайлович Равдин, водитель автоклуба, придирчиво осматривает свою любимую машину, начищенную до зеркального блеска,— что-то проверяет, что-то налаживает. А тем временем его подопечные, участники творческих коллективов Дома учителя (все эти коллективы в Спасске Максим Михайлович досконально знает и всех участников именно своими подопечными и считает), уже собираются возле автоклуба.

— Ура! Опять с Максим Михалычем! Любимцу публики пламенный привет!

Почему же это он именуется любимцем публики?..

— Живой души человек, вот в чем тут дело,— объясняет Анатолий Иванович Лоскутов, заведующий отделом культуры Спасского горисполкома.— Максим Михалыч, как видите, уж не первой молодости, а душа у него молодая! Скажу по секрету: работает он у нас за счет своего отдыха и за малые деньги. Предан творчеству удивительно! Любит тех, кто с ним едет, и тех, к кому едет. А люди такое чувствуют безошибочно!..

Сегодняшний концерт состоится в совхозе Зеленовка.

Выезжаем из Спасска навстречу знаменитой дальневосточной тайге; к ней, так же, как к

Детская хореографическая студия. Ирина Павлова исполняет «Мазурку» Шопена.

Светлана Луканченкова, мастер-косторез из города Спасска-Дальнего.

Владивосток. Народный театр Дома культуры имени Ильича Дальзавода. Сцена из спектакля «Сердце не камень» А. Островского. Вера Филипповна — врач Тамара Безрученко, Ераст — инженер Александр Кочелягин.

Юная солистка ансамбля «Радуга» Галя Атаманова. Город Спасск-Дальний.

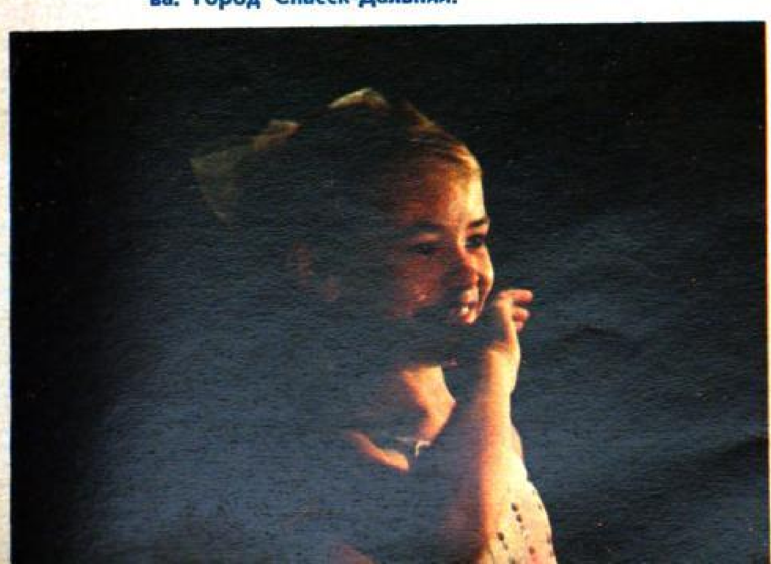

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Участницы народного хора фабрики «Работница» в городе Уссурийске.

Ансамбль «Вихрь» в гостях у моряков.

сопкам, привыкнуть невозможно... Вместе с вечерними сумерками она густо, плотно обступает машину, и невольно все притихают. Если кто и переговаривается, то вполголоса. Девушки о чем-то секретничают потихоньку, а мы с Валентиной Даниловной Панкратовой шепчемся о ее делах — нескончаемых делах художественного руководителя такой большой творческой организации, как Спасский Дом учителя.

Валентина Даниловна рассказывает не только о тех, кто едет сейчас в Зеленовку, но о многих людях, отмеченных тяготением к искусству. Вот, например, у них же в Спасске в семье железнодорожного обходчика вырос замечательный самодеятельный танцовщик — Виктор Васютин: учился он в Ленинграде, а сейчас сам руководит во Владивостоке детской хореографической студией! Студия замечательная, редко где такую найдешь...

В это время, круто развернув машину, Максим Михайлович останавливается: приехали!..

В маленьком чистом клубе ровно в девять слово дают плановику районного узла связи лектору Лидии Григорьевне — для рассказа о зарубежной поездке по странам Европы. А через час начинается концерт.

Программу ведет Валентина Даниловна; живо, с юмором представляет она публике чтецов, танцоров, вокалистов... Выступления хора сменяются декламацией, шуточные репризы — сольными номерами; большой успех имеют юные участники самодеятельности, пионеры, занимающиеся в детском секторе Дома учителя.

Автоклуб возвращается в город поздно — в окнах уже гаснут огни. Но, расходясь, все знают: завтра, ровно в восемь,— репетиция!..

Легко ли быть киномехаником!

— Какого киномеханика в районе вы считаете лучшим? — спросили мы Бориса Рихардовича Янсона, первого секретаря Михайловского райкома партии. Подумав, Борис Рихардович начинает перечислять фамилии в свойственной ему неспешной манере.

— Их много,— выбирайте сами: владения кино в районе обширные. У нас тридцать пять установок: из двенадцати широкоэкранных кинотеатров восемь только что построили. Кинофикацию села завершили; передвижка ходит только в самый дальний совхоз имени Сун Ят-сена, но и там зрители не обижаются, что, мол, их забыли, подолгу к ним не приезжают. Другое дело — с чем приезжают; фильмов о жизни села пока что мало, по пальцам перечтешь, да и то на одной руке... А зарубежных картин больше, чем нужно, и многие просто плохие, если говорить по главному счету... Конечно, у нас граница близко, чувство мобилизованности люди впитывают от отцов, а всетаки впускать в свой мир вместе с фильмами буржуазные взгляды — пусть даже по капле — не стоило бы! Правда, киномеханики наши не без разбора «крутят» — имеют свою точку зрения... Поезжайте хоть в Николаевку, к Андрееву, он расскажет...

Именно с кинобудки жизнь Андреева и начиналась, двадцать пять лет назад...

Шла война. Надо было зарабатывать свой кусок хлеба, помогать матери... Начальник цеха на заводе, в Уссурийске, отвел мальчишку в кинобудку, сказал: осваивай, это людям нужно!.. Что ж, раз нужно — освоил; подучился, сдал на помощника, а потом и на киномеханика; в 1946 году приехал работать в Николаевку; вот, пожалуй, и все...

Да все ли?!. Ох, до чего же несловоохотлив, сдержан иной русский человек, когда не о других — о себе говорить приходится! И только освоившись, присмотревшись, открывает он душу, позволяя увидеть в ней преданность и терпение, любовь к труду, избранному раз и навсегда.

— Теперь-то, конечно, все куда проще стало,— считает Альберт Александрович.— В каждом селе свой клуб — вот он, в нескольких шагах. Свое электричество... А каково вначале приходилось, когда командовал гужевой передвижкой...

— Вы, небось, о таких и не слыхивали? — спрашивает Андреев. И сам же отвечает: — Ну, гужевая — это, конечно, если только в село приходилось ехать,— это была благодать и механику и аппарату! Таких-то аппаратов — «К-25» — и на свете больше нет, не делают... А порой вездеход — и тот в тайге встанет! И тащить оттуда свой «К-25» несколько дней на быках до дому... Зато уж что за картины были!.. Патриотизм рождали, гордость за свою страну. Привезу, бывало, «Чапаева», «Щорса» — это всегда событие!.. Есть, конечно, и теперь немало хороших фильмов: «Судьба человека», «Председатель», «Журавушка»... Кстати, насчет «Журавушки»: пусть бы ей продолжение дали — хочет народ развитие судьбы видеть, как, например, в «Цыгане». Да и жалко Журавушку, люди хотят ей счастья — она его заслужила... Вообще побольше надо фильмов о душевной красоте народа: настоящее искусство людям требуется! Настоящие-то картины я всем расхваливаю, хотя одними похвалами, конечно, немного сделаешь. Доярки у нас по вечерам в кино не успевали — добился я как депутат сельсовета: поставили узкопленочную установку «Украина» прямо на ферме, в красном уголке. Теперь еще одна такая установка на селе работает. Много мне жена моя помогает, Раиса Михайловна; она тоже курсы киномехаников окончила. Теперь мы с ней в четыре руки управляемся!

— Им легко не потому, что легко,— дополняет рассказ Мария Степановна, мать Андреева.— Они свои трудности и за трудности не считают — вот тут и весь их секрет. А то поди попробуй, легко ли...

Зачем директору хор...

На фабрике «Работница», где шьют пальто для девочек, не первый уже год директорствует коммунистка Сокотская Зинаида Антоновна, или, как все почти в Уссурийске ее зовут коротко и весело, Зинантонна...

Шестнадцати лет, вскоре после войны, Сокотская пришла работать на фабрику.

— Чтобы хоть раз в ту пору от лучших швей отстала — да нипочем!.. По вечерам учиться начала. И опять с этим упорством своим,— чтоб лучше всех!.. Никто и не удивился, когда из Зины, Зинушки стала Сокотская Зинаидой Антоновной — сперва главным инженером, а потом и директором. Дело-то знала назубок!.. Да что дело — главное для Зинантонны — люди. Каждая работница со всеми своими заботами была и есть ровно на ладошке у нее; с каждой дружит, о каждой всю подноготную ведает. И каждой посоветовать может, как лучше да красивее становиться...

— А как? — сразу заинтересовались мы.

— Ну, вот, к примеру, такой у нее рецепт: давайте, подружки, песню хорошую споем, сразу на душе потеплеет... Мы и пели понемножку; так и свой хор образовался. Настоящий, дружный хор, голос к голосу. Но, кабы ни Зинантонна, может, хор-то наш и распался бы давно! Ан нет — глаз с него Зинантонна не сводит! Лелеет его и бережет...

Зачем же нужен директору предприятия хор?.. А видно, он и впрямь нужен, если у каждой новой швеи, поступающей на производство, Сокотская со свойственной ей энергией допытывается:

— Петь можешь? Нет?! Ну, как же так, молодая, тебе только и петь! А ты пробовала? Ах, если не пробовала, значит, обязательно запоешь: поверь, я уж вижу! Только сразу же и запишись. Да смотри, я проверю!

И проверит! Это уж обязательно!..

— Мы красивые вещи создаем для людей,— говорит сама Сокотская,— значит, обязаны понимать и чувствовать красоту, а она не в одном лишь умении красиво одеться да причесаться, хотя это тоже уметь надо...

Красивый человек красив во всем. Но сначала Зинаиде Антоновне надо еще доказать это новеньким работницам. Доказательства же ее всегда бывают конкретны, а потому и убедительны.

— По какой причине не приходишь на спевки? — строго спрашивает директор у новенькой.

— Некогда было. Убиралась...

Не поленится Сокотская и домой нагрянет к новенькой:

— Что это за уборки такие тебе жить мешают?! Учись время экономить! Хор в соревнование включился, в поездку к пограничникам собирается, а ты что же, одна здесь будешь сидеть?..

Редко кто остается в стороне от хороших, умных затей Зинаиды Антоновны.

— Хотя всяко случается,— признается она.— Иную новую швею к нашим порядкам даже и директорским приказом приучаешь. Зато после глядишь на нее и глазам не веришь: да она ли это — умница, красавица, общественница... А вы говорите, зачем хор!..

«Дом культуры объявляет запись...»

Впрочем, директорам требуется не один только хор!.. Первое, что мы увидели в совхозе Свиягино, чьи земли лежат поблизости от границы, были объявления о записи в творческие коллективы: хоровой, вокальный, хореографический, драматический, эстрадный... Такие же объявления висели на дверях новехонького, прямо с иголочки, Дома культуры.

Едва войдя в просторный вестибюль, невольно думаешь: такой клуб в грязь лицом нигде не ударит — ни в Москве, ни в Ленинграде!.. Много света и воздуха, по стенам мозаичные панно, остроумно и со вкусом выполненные из кусочков облицованной плитки; вместительный просмотровый зал, удобные репетиционные комнаты, библиотека — так даже заглянуть туда приятно...

— Сами все придумывали,— говорит директор совхоза Эдуард Васильевич Скобенко.— Почти все тут по нашим собственным «проектам» или просто собственными руками выполнено...

Эдуард Скобенко — местный уроженец, коренной дальневосточник. Закончив институт в Ленинграде, вернулся он в родные края, принял совхоз, работает над диссертацией, ставит опыты, важные для сельского хозяйства... Но Скобенко в совхозе,— может быть, еще больше, чем для Сокотской в городе,— нужны люди не только образованные, но и развитые, творческие...

Отсюда и директорская повседневная забота о клубе.

— Каждую комнату, как собственную квартиру, убирали,— дополняет рассказ Скобенко Татьяна Терентьевна Тарнопольская, заведующая парткабинетом.— Все делали, чтобы уютно и красиво стало, чтобы манило сюда людей... К открытию клуба как к празднику готовились! Комсомольцы на всех собраниях к XXIV съезду обязательство взяли: широко участвовать в клубной работе. А как же иначе — время этого требует!..

Время требует... Время меняет людей неузнаваемо, дает им культуру и знания, впускает их в сокровенный мир творчества, а им все мало, мало. Татьяна Терентьевна помнит: разве таким было раньше Свиягино, люди Свиягина! Кажется, уж теперь-то можно бы им и успокоиться, но нет — время!.. А ведь это только говорится так: «время»,— на самом же деле удивительные эти люди сами не дают покоя ни себе, ни другим.

Клуб должен стать центром событий, важных для жизни всех людей в совхозе. Здесь будут праздновать свадьбы, чествовать красных партизан, героев Отечественной войны, ветеранов труда.

Лучшие места в просмотровом зале навсегда закреплены за почетными жителями села. Недавно пришел посмотреть новый Дом культуры Феодосий Иванович Вялков, один из первых зачинателей коммуны, устроитель коллективной жизни на селе. Встретили его уважительно, сказали ему: выберите для себя любое место, оно так ваше и будет!

Создаются на селе новые хорошие традиции. И важны они даже не столько для стариков, сколько для молодежи. Для всех, кто вьет свои прочные гнезда на родной дальневосточной земле.

* * *

...А сколько еще интересных людей, ярких талантов встретили мы, вернувшись во Владивосток! Встретили не только в клубах и домах культуры, но и в красных уголках, на кораблях...

И всюду мы видели то, что объединяет и сплачивает людей, строящих коммунизм,— живую душу художников и творцов.

Начало см. на стр. 22.

Слуга, по-видимому, счел лучшим не отвечать на этот вопрос.

— Масло достал?

— Да, сэр. Вот оно.

— А смазал?

— Но, сэр, здесь нет отверстий, куда наливать масло.

— Как?

— Здесь такой толстый слой пыли, сэр, что, по-моему, отверстия где-нибудь под ним.

Я подошел ближе к предмету, который мой слуга называл велосипедом. Осмотрел некоторые части и пришел к выводу, что это, без сомнения, велосипед, но он был, по-видимому, сделан раньше таких современных машин, как деревянный плуг и персидское колесо. Повернув несколько раз колесо, я обнаружил отверстия для смазки, но процесс проникновения и смазывания через эти отверстия оказался слишком затяжным. Мой слуга заметил:

— Сэр, масло не проходит внутрь. Оно вытекает.

— Ничего,— сказал я,— можешь просто полить снаружи. Считается, что даже и так хорошо.

Наконец я сел на велосипед. При первом же нажиме на педаль показалось, будто бы затрещали высохшие суставы пытающегося встать скелета. Сразу же от моего дома дорога шла под уклон. Велосипед двигался вперед, его отдельные части начали издавать разнообразные звуки. Эти звуки можно было разделить на различные группы. Звуки типа «чин-чан-чун» исходили из области расположения сиденья и от заднего колеса. «Рат-т-т-тат-тат» исходили от крыльев. Цепь была очень слабой. Когда я нажимал на педаль, казалось, что цепь стонала и растягивалась и издавала звуки. Она обвисала, а порой соскакивала. Заднее колесо, помимо вращения вперед, совершало также движения из стороны в сторону, поскольку оно качалось по мере того, как двигалось. Поэтому след, который оно оставляло на земле, был не прямым, а остроизломанным, будто здесь проползла змея. Были и крылья, но они могли давать защиту колесу и камере от стихии лишь в том случае, если бы солнце или дождь падали на линию движения велосипеда под прямым углом. Кроме того, на передней камере была большая заплата, при каждом повороте колесо подпрыгивало и откидывало мою голову назад, как если бы кто-то ударял меня каждый раз под подбородок. Переднее и заднее колеса составляли хор, который примерно звучал: «чун-чун-фат-чун-чун-фат». На склоне велосипед приобрел некоторую скорость, показалось, что началось землетрясение. Многие части велосипеда, которые до этого хранили молчание или дремали, проснулись и зазвучали. Люди отскакивали в сторону. Матери крепко прижимали своих маленьких к себе. До сих пор сквозь бренчание крыльев можно было слышать отдельные ноты, издаваемые колесами,— «чун-чун-фат», но теперь с увеличением темпа они слились в непрерывную песенку: «ча-ча-чун-фат», «ча-ча-чун-фат». Казалось, что велосипед спрягает глаголы какого-то трудного африканского языка.

Возросшая скорость тяжело отразилась на нежной натуре моего новоприобретенного велосипеда. С ним произошли неожиданные изменения. Руль резко повернулся вправо, так что, хотя велосипед и двигался вперед, я склонился тяжело вправо. Сиденье велосипеда неожиданно опустилось на шесть дюймов, и, когда я крутил ногами педали велосипеда, колени доставали почти до подбородка. Спина моя согнулась, а голова дергалась из-за легкомысленного подпрыгивания и спотыкания переднего колеса.

Я остановил велосипед — и будто вырвался из грохота и шума железнодорожной станции. Достал из кармана ключ, поднял сиденье и выпрямил руль. Затем опять сел на велосипед.

Едва я преодолел десяток шагов, как руль опустился. На сей раз седло было выше руля почти на фут. Я наклонился вперед, поддерживая свой вес исключительно руками, которые опирались на руль, вследствие чего меня встряхивало. Я потел и оглядывался по сторонам, чтобы увидеть, не следит ли кто-либо за мной. На самом же деле люди еще за милю впереди оборачивались, чтобы посмотреть на меня и мое передвижение. Больше всего раздражало меня то, что не было ни одного из них, кто бы не нашел в моем несчастье источник величайшего удовольствия.

Руль опустился, опустилось и сиденье, а я сам хлопнулся на землю. Мальчик на дороге захихикал и, указывая на меня, громко произнес: «Посмотрите, что этот дядя делает». Будто я разыгрывал представление перед глазами этого наглого чертенка. Я встал и снова поднял руль и сиденье.

Тем не менее то сиденье, то руль постоянно опускались. Я не мог сидеть спокойно и держал свое тело немного над сиденьем с тем, чтобы не давить слишком сильно на него.

Преодолев около двух миль, когда поднимание и падение велосипеда превратились в унылую монотонность, я решил отправиться в велосипедную мастерскую. Стук и шум, издаваемые моим велосипедом, заставили всех в мастерской взглянуть на меня. Но я твердо выдержал изумленные взгляды и весьма вежливо сказал:

— Не будете ли вы любезны немного подремонтировать этот велосипед.

Один из механиков вышел вперед и железным прутом, который он держал в руке, безжалостно простукал велосипед, чтобы определить болезнь. Быстро оценив состояние, он повернулся ко мне и спросил коротко:

— Какую часть вы хотите отремонтировать?

— Не нужно быть таким грубым,— сказал я.— Неужели вы не видите, что нужно лишь поднять руль и сиденье и крепко их привернуть. Это и все. Пожалуйста, сделайте это поскорее и скажите, сколько я должен уплатить.

— А не нужно ли отремонтировать и крылья?

— Хорошо, давайте.

— Будет лучше, если другие части будут также закреплены.

— Очень хорошо, сделайте и это.

— Это нельзя сделать сейчас же. Вам придется оставить его здесь недели на две.

— И сколько вы возьмете с меня за это?

— Тридцать — сорок рупий.

— Послушайте, мистер, делайте то, что я попросил вас сделать.

Через несколько минут гайки у сиденья и руля были крепко закручены, и я уже собрался уходить, когда механик сказал мне:

— Я закрутил гайки, как только мог, но они совсем стерлись и очень скоро отвернутся опять.

— Вы обманщик,— сказал я,— вы взяли с меня две анны за ничто.

— Но, сэр, я предполагаю, что велосипед достался вам также за ничто. Это не тот ли велосипед, который принадлежит вашему другу господину Мирзе Лаллу, это велосипед, который господин Мирза притаскивал в прошлом году, чтобы продать нам. О боже, мне кажется, что ему должно быть уже лет сто, если не больше, а он все еще несет епитимью за свои грехи.

— Что ты говоришь? Сын Мирзы ездил на нем в колледж, а прошло едва ли два года, как он окончил его.

— Правильно, но господин Мирза сам, когда он посещал колледж, ездил на этом же велосипеде.

Эти слова подействовали на меня угнетающе. Взяв велосипед, я медленно пошел прочь. Но даже идти было трудно. Чтобы вести велосипед, нужно было прилагать такие усилия, которых обычно не требуется. В результате этого у меня в плече, ногах, руках и спине появились страшные боли и ломота.

Я решил продать велосипед. Неважно, если я потеряю десять — пятнадцать рупий от этой сделки, по крайней мере я не потеряю все сорок, как это было сейчас. Я остановился около другой велосипедной мастерской, находившейся у дороги.

Владелец мастерской вышел ко мне, но у меня отнялся язык. Я никогда не опускался до продажи какой-либо своей вещи и не знал вообще, что говорить в этом случае. После долгой нерешительности и размышления я смог лишь выдавить, запинаясь:

— Вот, велосипед.

— Ну и что?

— Вы возьмете его?

— Что вы имеете в виду?

— Я продаю его.

Владелец мастерской посмотрел на меня так, что я сам себе показался вором. Затем он посмотрел на велосипед. Наконец он сказал:

— А почему вы хотите продать его?

Один бог знает, как полагается отвечать на такие вопросы. Я спросил:

— Вы хотите знать, как я планирую истратить деньги, которые я получу от продажи?

— Нет, это неважно,— сказал он.— Я лишь говорю: что делать с вещью вроде этой?

— А, это. Ну, конечно, вы можете сесть на него.

— Хорошо. Сели на него. А дальше?

— А дальше вы едете на нем.

— Вы не имеете этого в виду, не так ли? Худа Бакш, подойди-ка сюда. Здесь продается велосипед.

Джентльмен, который носил это имя, посмотрел на велосипед. Они оба посовещались несколько минут, и человек, которого звали Худа Бакш, обратился ко мне:

— Итак, вы действительно хотите продать этот велосипед?

— Ну, конечно.

— Тогда сколько вы просите за него?

— Предлагайте вы.

— Сказать откровенно?

— Да.

— И честно?

— Да, давайте, или вы будете продолжать в том же духе?

— Я могу дать вам за него три рупии.

Кровь во мне закипела, а руки, ноги и губы задрожали от гнева. Я сказал:

— О низкое создание, зарабатывающее хлеб свой трудом рук своих. Я не думаю об оскорблении, которое ты нанес мне, но за боль, которую ты причинил этому бессловесному существу, я никогда не прощу тебе до судного дня.

Говоря это, я сел на велосипед и закрутил педалями. Едва я проехал ярдов двадцать, как почувствовал, что земля рванулась из-под меня вперед, а небо бросилось вниз. Строения вокруг, казалось, быстро переместились и переменили положение. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что сижу один посреди дороги. Вокруг меня собралась небольшая толпа. Передо мной была мастерская, где всего лишь минуту назад я прервал процесс деловых переговоров. Осмотревшись, я увидел, что переднее колесо совсем отлетело и укатилось через дорогу, а велосипед лежит около меня. Я поднялся, взял сломанное колесо в одну руку, велосипед — в другую и под хохот толпы зашагал прочь. «Держи выше голову и шагай прямо,— приказывал я себе.— Пусть смеются. Такие невоспитанные люди существуют во всех странах. В конце концов, что случилось? Пустячное происшествие. Не смотри по сторонам. Шагай».

Нелестные замечания неслись со всех сторон. «Бросьте его, сэр»,— сказал один, а другой шутник сказал: «Ну, подожди, бессовестный велосипед. Когда ты попадешь домой, хозяин расправится с тобой». Какой-то отец обратил внимание своего ребенка на мой велосипед и объяснил: «Смотри, сынок, это цирковой велосипед, у него можно на ходу отсоединить оба колеса».

Но я держался. Через некоторое время я обнаружил, что ушел далеко от населенных районов. Теперь я проникся духом решимости, и шаг мой был тверд. Я все шел и шел, пока не дошел до моста через реку. Стоя на нем над серединой течения, я побросал колеса одно за другим в реку, причем делал это так старательно, будто опускал письма в почтовый ящик. Затем я повернул обратно к городу.

Прежде всего я направился к дому Мирзы и постучал в дверь.

— Войдите,— произнес он.

— Пожалуйста, выйди сам,—сказал я.— Как я могу войти в дом такого святого человека, как ты, не совершив соответствующих омовений.

Когда он вышел, я протянул ему с великим уважением тот гаечный ключ, который он дал мне с велосипедом, и сказал:

— Будь любезен, возьми ключ обратно, и желаю тебе радоваться на него. Что касается меня, то я больше в нем не нуждаюсь.

Перевел с урду
Л. Кочетков.

ЭНГЕЛЬСУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В очередном сборнике «Вопросы истории естествознания и техники» (издательство «Наука») впервые публикуется одна из рукописей Ф. Энгельса. Это конспекты, выписки, сделанные Энгельсом из книг немецкого ботаника и агронома К. Фрааса «Климат и растительный мир во времени», французского математика Ж. Даламбера «Трактат по динамике» и доклада известного немецкого физика Г. Гельмгольца «О сохранении силы». Конспекты составляют часть тетради, хранящейся в виде фотокопии в составе рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Работая над «Диалектикой природы», Энгельс использовал в общей сложности около ста трудов крупнейших естествоиспытателей. Сохранившиеся конспекты и выписки из книг представляют большой интерес. Они позволяют проникнуть в лабораторию творчества ученого и мыслителя, раскрывают необычайную широту его научной эрудиции.

Публикуемые фрагменты из тетради Ф. Энгельса написаны на больших листах бумаги в два столбца и в оригинале занимают полные пять страниц. Конспекты книг К. Фрааса и Г. Гельмгольца написаны по-немецки, Ж. Даламбера — на французском и немецком языках. Переводы снабжены обстоятельными научными комментариями биолога профессора Л. Я. Бляхера, физика профессора Я. Г. Дорфмана и специалиста по вопросам механики доктора физико-математических наук И. Б. Погребысского.

Заведующая секцией документов К. Маркса и Ф. Энгельса Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС О. К. Сенекина в своей статье, также напечатанной в сборнике, рассказывает о том, как собираются и хранятся рукописи и книги из личной библиотеки Маркса и Энгельса. Автор приводит много интересных деталей работы Энгельса с книгой, его многочисленные пометки, отчеркивания, реплики. Как правило, Энгельс делал их простым черным карандашом... Доцент сельскохозяйственной академии немец Ау в книге «Учение Либиха об истощении почвы» приводит цифровые данные о количестве селитры, которая должна накапливаться на складах в Перу. Энгельс во время чтения подчеркивает слово «должна» и замечает: «НО ОНА ВЕДЬ РАССТРЕЛИВАЕТСЯ В ВИДЕ ПОРОХА».

Энгельс был первым историком науки — марксистом. Его труды в этой области явились фундаментом марксистской истории науки вообще, истории естествознания в частности — так начинает академик Б. М. Кедров свою статью «Ф. Энгельс как историк естествознания». Кроме того, в энгельсовском юбилейном выпуске «Вопросов истории естествознания и техники» опубликованы статья академика Л. Ф. Ильичева «Ф. Энгельс и философские проблемы истории естествознания», посвященная книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Научные контакты Шорлеммера с Марксом и Энгельсом» — документальный очерк доктора К. Хейнига (ГДР). Немецкий ученый приводит малоизвестные факты, свидетельствующие о большой творческой дружбе основоположников научного коммунизма с известным химиком Шорлеммером, членом Лондонского королевского общества.

С. ПЛОТКИН,
главный редактор сборника
«Вопросы истории естествознания и техники»

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПЕРЕГОВОРЫ ИЛИ ПРОТИВОБОРСТВО?..

Николай ПАСТУХОВ

Если проанализировать внешнеполитический курс Соединенных Штатов в завершающем свой стремительный бег 1970 году, то нетрудно заметить, что ссылки на поиски «мирных решений», к которым так часто прибегают вашингтонские официальные лица в выступлениях, обращенных к публике, служат прикрытием зловещих акций, весьма далеких от поддержания всеобщего мира.

Помилуйте, отвечают на это американские пропагандисты, США обсуждают с Советским Союзом вопрос о сокращении стратегических вооружений, участвуют в парижских переговорах по мирному урегулированию вьетнамской проблемы, совместно с СССР, Францией и Англией ищут в Нью-Йорке пути решения ближневосточного кризиса. И не наша вина, вещают они, что все эти переговоры не приносят желаемого прогресса.

А чья же? Естественно, они пытаются вину за неудачи взвалить на Советский Союз и другие социалистические страны, разжигая при этом холодную войну и кампанию психологической и идеологической диверсии против мировой системы социализма. Однако на вопрос, кто виновен в неудачах, лучше всего могут ответить убедительные факты повседневной жизни. Они весьма красноречиво говорят о том, что оздоровлению международных отношений прежде всего мешает все возрастающая агрессивность внешнеполитического курса Соединенных Штатов.

С нескрываемой тревогой реалистически мыслящие западные обозреватели пишут о новых непомерных увеличениях военных расходов США, о том, что эта страна приступает к новому раунду наращивания ракетно-ядерного оружия. «Из предусмотренных в бюджете расходов в сумме 154 миллиарда долларов... фактические расходы на оборону (если не искать тех, которые скрыты в других статьях бюджета),— указывает газета «Вашингтон пост»,— достигают 72 с лишним миллиардов долларов». За послевоенные годы США израсходовали на военные цели астрономическую сумму в 1 100 миллиардов долларов, которая превышает стоимость всех служебных и жилых зданий в Соединенных Штатах. На днях военный министр США Мелвин Лэйрд заявил в Экономическом клубе Нью-Йорка, что увеличение расходов на вооружение будет продолжаться. Согласно сообщению агентства Франс Пресс, США собираются увеличить в будущем году затраты на строительство системы гигантских ядерных подводных лодок с 44 до 130 миллионов долларов. Все это говорит о том, что Вашингтон вопреки своим «миролюбивым» заверениям намерен и впредь блокировать путь к разрядке международной напряженности.

Только на одну вьетнамскую авантюру США уже истратили 150 миллиардов долларов. Эти расходы продолжают расти. А в Париже тем временем проходят переговоры! Сегодня каждому ясно, что участие в них Соединенных Штатов — это чистейший камуфляж, рассчитанный на обман мирового и прежде всего американского общественного мнения. Разве об этом не свидетельствуют возобновившиеся варварские бомбардировки мирных городов и селений, школ, больниц, детских садов, жилых зданий Демократической Республики Вьетнам? Весь мир расценил этот акт как наглое посягательство на суверенитет и безопасность ДРВ, отнюдь не содействующее успеху парижских переговоров. Да и позиция на этих переговорах главы американской делегации Брюса, который недавно пытался узаконить «право» США на нарушение воздушных границ ДРВ, фактически перечеркивает идею, ради которой проводятся парижские встречи.

Опасаясь взрыва антивоенных движений в стране, Пентагон решил сыграть на «национальных чувствах» американцев. Его представители заявили, что бомбардировки, видите ли... входили в план «спасения» американских военнопленных. Год назад в Ханое мне была предоставлена возможность встретиться с американскими летчиками, находящимися в плену на территории ДРВ. Из бесед с ними у меня сложилось впечатление, что многие из них по горло сыты грязной войной и симпатизируют тем соотечественникам, которые участвуют в массовых антивоенных движениях. Несомненно, это хорошо понимают и в Пентагоне. Вот почему операция «спасения» является не чем иным, как рецидивом эскалации и свидетельством провала американской авантюры на Индокитайском полуострове, объятом пламенем народной, героической борьбы против агрессоров.

И, наконец, Ближний Восток. Те же цели, те же методы и та же маскировка. Сейчас в Тель-Авиве и Вашингтоне довольно много и пространно говорят о том, что и США и Израиль хотят «найти» пути мирного урегулирования ближневосточного кризиса, хотя всем известно, что этот путь единственный — освобождение оккупированных арабских территорий. Однако в этом направлении не делается ни одного практического шага, а миссия Ярринга по-прежнему блокируется Израилем. Более того, продолжаются поставки американского вооружения Израилю, и Вашингтон изыскивает новые финансовые средства для оказания помощи Израилю.

Все эти факты — наглядное свидетельство того, что внешняя политика США идет не по пути разрядки международной напряженности, а в направлении противоборства триумфу мирной внешней политики Советского Союза и других социалистических государств, в направлении активизации агрессивного курса.

«Агрессоры,— сказал недавно в Ереване тов. Л. И. Брежнев,— не перестали быть агрессорами. Враги свободы и независимости народов не превратились в кротких агнцев и добрых фей».

Д. С. СТРЭЯНДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

АЛЬБЕРТ ОБРЕТАЕТ ЛИЦО

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В течение нескольких дней Морис Магрит был очень плох. Одно время казалось, что пережитое потрясение и простуда — результат длительного блуждания под проливным дождем — окончательно свалят его с ног, но кризис миновал, и старик, хотя и медленно, стал возвращаться в почти покинутый мир.

Между тем поиски Альберта продолжались. Женэ редко покидал кабинет, тщательно проверяя поступающие со всех концов сообщения. Однажды он решил, что напал на след. Некий парижанин заявил, что обнародованные полицией приметы Альберта полностью совпадают с приметами известного ему блондина лет тридцати с лишним, которого в годы войны он знал под именем Филиппа де Эйтвиля. Однако во время очных ставок с подозреваемым все те, кто знал жильца из квартиры Деланель, в один голос утверждали, что это вовсе не Эйтвиль, хотя и сильно похож. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что он и не мог им быть, поскольку как раз в то время сидел в тулонской тюрьме за кражу.

Однако Женэ извлек пользу из этой неудачи. По его распоряжению художник нарисовал портрет подозреваемого и внес в него сообщенные свидетелями детали, что позволило, как надеялся комиссар, воспроизвести точный облик Эйтвиля — Альберта. Портрет размножили и разослали по стране, а сумму вознаграждения за поимку Альберта повысили до двухсот тысяч франков.

Анри уволился из гаража и поселился у родителей. Время, проведенное в мучительном ожидании отца и Аник, развеяло, возможно, навсегда, отчуждение между матерью и сыном. Он понимал, что нужен здесь и что ему рады.

Брат и сестра возобновили прогулки; Аник не скрывала радости по случаю его возвращения, и это успокаивающе действовало на Анри. Ему нравилось наблюдать, как она восхищается всем окружающим, какое удовольствие доставляют ей самые обыкновенные, не бог весть какие события — заход солнца над рекой или кормление животных в зоопарке.

Анри снова начал работать в галерее. Отец вернулся из больницы, и у матери прибавилась новая забота — ухаживать за ним. Прошло совсем немного времени, и юноше стало казаться, что он никогда не покидал родительского крова.

Поток сообщений от граждан, желавших получить вознаграждение за поимку Альберта, постепенно иссякал. Было похоже, что Альберт сумел надежно замести следы. В разговоре с Анри Женэ признался, что он начинает сомневаться, смогут ли они найти этого типа.

— Видимо, я был прав,— заметил он.— Альберт скорее всего удрал вместе с гитлеровцами и мог укрыться где угодно — и в Испании и в Тимбукту.

Анри взглянул на плакат, висевший на стене кабинета Женэ.

— Уж очень его физиономия похожа на лица других людей такого же типа. Иногда мне кажется, что я где-то его видел. Возможно, во время войны.

— Что ж,— заметил Женэ,— в таком случае остается только сожалеть, что ты тогда не заинтересовался им.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—48.

Последние события несколько оттеснили мысли Анри о Марселле, однако он не переставал думать о ней и, больше того, испытывал желание повидать. Он ничего не слыхал о ней после письма, которое она прислала в гараж и которое, очевидно, положило конец тому, что возникло между ними. Иногда он и сам верил, что между ними все кончено и что это к лучшему. Вполне возможно, она уже уехала с мужем в Америку.

Как-то Анри и Аник гуляли по улице Сен-Оноре, время от времени останавливаясь перед витринами, чтобы полюбоваться выставленными в них восхитительными вещами: у Беневенто — нарядными итальянскими тканями, у Пироке — изумительным платьем, у Сарьяка — забавной брошкой в виде пуделя с бриллиантовыми глазами. Между прочим, перед дверью магазина Сарьяка была опущена железная решетка.

В кафе «Мир», куда они зашли выпить лимонада, Анри, случайно подняв глаза, увидел пробирающихся между столиками Марселлу и ее мужа. Вначале он подумал, что Марселла его не заметила, однако Горхэм что-то сказал ей, она повернула голову, и взгляды их встретились.

«Как она бледна и как красива! — подумал Анри.— Всякий раз она выглядит еще более красивой, чем раньше».

От него не укрылось, что Марселла собиралась пройти мимо, но муж подошел к их столику и протянул руку.

— Алло, мосье Магрит!

Горхэм окинул Аник беглым взглядом, и Анри, знакомя их, почти с мстительным удовольствием проговорил:

— Может, присоединитесь к нам?

— Спасибо, мы должны здесь кое-кого встретить.— Горхэм повернулся к жене.— Дорогая...

По-прежнему бледная, но спокойная Марселла вышла из-за спины мужа, и Анри склонился над ее рукой.

— Аник, милая! Как давно я тебя не видела! Ты здорова? Как мама?

— Благодарю, Марселла.— Аник, безусловно, постаралась, чтобы ее лицо ничего не выражало, кроме холодной вежливости.

Анри повернулся к Горхэму и спросил по-английски:

— Вы скоро уезжаете в Штаты?

— Надеюсь, через неделю-другую. Дела задерживают.—Он взглянул на Анри и улыбнулся с едва уловимой иронией.— Мою супругу это очень раздражает. Ей просто не терпится поскорее увидеть свою новую родину.

Анри посмотрел на Марселлу, и она сейчас же отвела глаза. Да, она была права, когда сказала, что муж прекрасно разбирается в обстановке и всегда отдает отчет в своих поступках. Он приобрел Марселлу точно так же, как приобретают картину, чтобы повесить на стене. Разумеется, картине не полагалось иметь каких-либо суждений по этому поводу. Однако, взглянув в зеленоватые глаза американца, Анри понял, что заблуждается: мужу Марселлы вовсе не чуждо было чувство ревности. Подозревал ли Горхэм, или знал наверное? Может, он следил за Марселлой, когда она отправлялась в «Добрую хозяйку»?

Анри почувствовал, как в нем поднимается ярость и одновременно ревность. Ему хотелось изуродовать это холодное, улыбающееся лицо. Он заметил, что Горхэм пристально наблюдает за ним — не только с насмешкой, но и с гневом. Подчеркнуто пренебрегая этим, Анри повернулся к Марселле.

— Мне бы доставило удовольствие, мадам,— сказал он,— навестить вас и пожелать вам доброго пути.

От Анри не ускользнуло, как изменилось лицо Марселлы.

«А она боится,— подумал он.— Ничего, пусть боится!»

— Я буду занята.— Она с усилием улыбнулась и протянула ему руку.— К тому же я не люблю длинные проводы. Не исключено, что мы еще встретимся.— Она слегка прикоснулась к плечу Анри.— До свидания.

Глядя вслед удаляющейся между столиками Марселле, Анри ощущал, как его душит злость и как горит его рука, только что пожимавшая ее руку.

На следующий вечер Анри отправился с Аник на Монмартр. Сестра не раз допытывалась, где он жил после ухода из дома, и он наконец решил удовлетворить ее любопытство. Аник понравилась Плас дю Тертр и узенькие, извилистые улочки около площади. Однако Анри заметил, что сестра вдруг стала какой-то задумчивой и время от времени бросает на него пристальные взгляды.

Лишь после того, как они прошли мимо Сакре-Кёр и снова оказались на отлого спускавшейся в город террасе, Аник задала вопрос, который объяснил причины ее беспокойства.

— Кто такой мосье Горхэм? — внезапно поинтересовалась она.

Анри ответил, и Аник, помолчав, сказала:

— Мне он не нравится, а тебе?

— Тоже.

Аник долго смотрела на расстилавшийся перед ними город.

— Анри, бедненький ты мой! — внезапно воскликнула она.— Я ей ни за что не прощу.

Прошло некоторое время, прежде чем Анри смог спросить:

— Кому это ей?

— Марселле,— почти шепотом ответила сестра, потом, набравшись смелости, спросила: — Ты ведь все еще ее любишь?

Ну что он мог сказать ей? Какой смысл она вкладывала в это слово — «любишь»? Ничего он не мог ей ответить, и она, немного подождав, продолжала:

— Извини, пожалуйста... Не сердись, но я хочу спросить тебя... Я всегда удивлялась...

— Можешь спрашивать о чем угодно.

— Я всегда удивлялась, почему ты на ней не женился.

— Видишь ли, моя дорогая,— мягко ответил Анри,— я-то хотел жениться, но в то время это было совсем не просто. Нужны были всякие документы, вроде удостоверения личности, и все такое, а мы находились на нелегальном положении и жили по фальшивым документам. Да... Для нас это было совершенно невозможно.

— Конечно, конечно!

— Когда ты полюбишь кого-нибудь... Когда станешь постарше, ты все поймешь.

— Я и сейчас понимаю,— тихо ответила Аник.— Я ненавижу Марселлу не за то, что она не стала твоей женой, а за то, что бросила тебя.

— Может, она просто разлюбила.

— Вот уж не понимаю! Если я полюблю, то навсегда.

В тот же вечер Анри позвонил Марселле. По ее тону он понял, что муж слышит разговор, и с каким-то злорадством стал задавать вопросы, на которые ей было не так-то просто ответить.

— Я должен тебя повидать до твоего отъезда. Не могла бы ты поужинать со мной завтра? Ну, скажем, в «Доброй хозяйке»?

Марселла рассмеялась.

— Очень мило с твоей стороны, Мари, но я уже дала согласие пойти на завтрак.

— Следовательно, я превратился в Мари, да? Что, твой миллионер рядом?

Марселла снова засмеялась.

— Конечно, милая. Жаль, у меня нет времени.

— Ты должна его найти. Я люблю тебя, Марселла. Ты бы хотела слышать, что я все еще люблю тебя, Марселла, да? Что тебе стоит лишь поманить меня пальцем, и я приду к тебе на край света, даже в Америку?

— Нет, в пятницу я тоже не могу,— весело смеясь, проговорила Марселла.— В пятницу у нас завтрак с генералом, а вечером прием в посольстве.

— Значит, я могу видеть тебя в посольстве?

— Нет, нет! Это невозможно. У меня нет ни минуты времени.

— Не клади трубку, Марселла. Так или иначе, но я должен видеть тебя. Если ты не хочешь, чтобы я пришел в гостиницу.

Это подействовало.

— Ну, тогда пожалуй...

— В саду Тюильри у карусели. Завтра утром в десять.— Ничего другого в эту минуту он придумать не мог.

— Но в субботу у меня примерка.

— В десять в субботу.

— Как видишь, это невозможно.

— У карусели, любимая.

— Так жаль, милая. До свидания,— шепотом ответила она.

Но как же все-таки ему прожить до субботы? Может, попытаться проникнуть в посольство? Нет, ничего это не даст. Предположим, он и в самом деле сумеет пробраться на прием. Вокруг будут люди. Что он сможет ей сказать? «Добрый вечер, мадам»? А потом, в конце: «Доброй ночи»? Лучше подождать. Но придет ли она? Пожалуй, придет. Придет из боязни, что он явится в гостиницу.

Анри стоял около телефона в табачной лавочке, и вновь им овладела страшная усталость, и опять возникал все тот же вопрос: на что я надеюсь? Что могу ей предложить? Чего хочу? Что скажу в саду Тюильри? Может, мне следует сказать: «Оставайся со мной, Марселла, ведь я так люблю тебя»? Он уже слышал ее смех...

Весь следующий день мысли об этом не покидали его даже во время разговоров с посетителями галереи. Иногда ему казалось, что он должен принять предложение Шалте. В самом деле, почему бы нет? Лучший в мире издатель литературы по искусству! Если Шалте находит нужным взять в дело сына старинного друга... Тогда Анри сможет увезти Марселлу в Женеву, и в сказочном мире цветущих альпийских лугов они начнут новую жизнь. Только там и может свершиться чудо, там она вновь полюбит его, и все будет так, как раньше.

Снова и снова он вынимал из конторки письмо Шалте, садился за столик, чтобы написать ответ, но через минуту бросал письмо обратно в ящик.

В тот вечер Анри и Аник снова ходили на прогулку. Он не мог сидеть и думать, думать и ждать, когда наконец придет время свидания. Они неторопливо шагали по широкой улице, выходившей к площади Бастилии.

Вторую половину дня Аник провела у Леонтины и наконец-то побывала с ней в ателье мадам Арндт, где ее подруга примеряла подвенечное платье. Аник во всех деталях описала торжественность этого ритуала, потом заговорила о Леонтине, о Рауле и об их предстоящей свадьбе.

— Какие милые люди это семейство Веронов! — щебетала она.— А Леонтина просто счастливица.

— Ты знакома с ними?

— С Веронами? Разумеется.— Аник вдруг замолчала, и, взглянув на нее, Анри заметил на ее хорошеньком личике какое-то необычное выражение.

— Так что ты хотела сказать о семействе Веронов?

— Видишь ли... Как забавно! Нет, нет! Я говорю не о семье Веронов. Со мной там произошло нечто такое, чего я еще никогда в жизни не испытывала.

Она рассказала Анри то же самое, что уже говорила раньше матери,— о посещении площади Вогезов, о дворике с фонтаном, о засахаренных орехах.

Анри рассмеялся.

— Выдумщица! Никто из наших знакомых не жил на площади Вогезов, и никто не мог угощать тебя там засахаренными орехами.

— И все-таки я бывала там,— упрямо повторила Аник.

— Не стану спорить. В детстве ты гуляла с отцом по всему городу.

— Думаешь, он кого-нибудь знает там?

Анри пожал плечами.

— Если и знал, то никогда не говорил об этом.— Он взглянул на серьезное лицо сестры.— Может, и номер дома тебе запомнился?

— Конечно. Шестьдесят пять.

Анри вздрогнул.

— Шестьдесят пять?!

— Кажется... кажется, да. А почему ты спрашиваешь?

— Ты узнаешь этот дом?

— Узнаю. Я только что сказала...

Аник испуганно спрашивала себя: что произошло с братом? Он вдруг стал сам не свой.

— Покажи мне этот дом.

— Анри, я...

— Чего ты боишься?

— Не знаю...

— Дурочка! Вот сейчас мы пойдем на площадь, взглянем на этот дом, и ты не будешь больше бояться.

— Что ж, пойдем...

Он заставил сестру взять его под руку.

— Тут недалеко, всего несколько кварталов.

Когда они проходили под аркой ворот, Аник, как тогда с Леонтиной, начала отставать.

— Пойдем домой, Анри! Мне неприятно.

— Глупости! — резко ответил Анри.— Здесь нечего бояться.

Аник нехотя догнала брата.

— По-моему, тут. Через эту арку.

Анри взглянул и увидел над дверью дома номер: 65.

— Ну, пойдем дальше, чего ты ждешь?

Аник медленно обогнала Анри и прошла во дворик.

— Здесь?

— Да. Вот фонтан с бедной маленькой птичкой... Видишь, у нее отбито крыло... А девочка так похожа на меня! Раньше я носила такую же прическу — зачесанные назад и связанные лентой волосы.

Анри посмотрел на Аник и представил ее маленькой девочкой.

— Да, помню.— Он обвел двор взглядом, внимательно всматриваясь в темные углы.— Продолжай рассказывать. Ты поднималась по лестнице?

— Мы поднимались вместе с Леонтиной. Семья Веронов живет на верхнем этаже.

— А раньше, когда ты была маленькой?

В сгущающихся сумерках лицо Аник казалось совсем бледным.

— Мы всегда поворачивали направо.

Анри почувствовал волнение. Дверь направо вела в квартиру портье, где когда-то жили муж и жена Пуссин. Нет, это просто нелепая фантазия ребенка!

— И что же происходило за той дверью?

— Не помню. И приятное, и плохое, и страшное — все вместе. Что-то такое, о чем мне запрещали рассказывать.

— И тебя угощали засахаренными орехами?

— Да, я уверена. И еще чем-то.

Дверь квартиры им открыла женщина — та самая сухая и сварливая особа, с которой Анри разговаривал недавно.

— Что вам?

— Ничего, мадам. Мы гуляли с сестрой и...

— Ах, это снова вы?! Вы что же, шпионите? Я же сказала, что не знаю этих Пуссинов.

— Прошу прощения, мадам. Извините, что побеспокоили.

— Что все это значит, Анри? Кто эти Пуссины?

Анри взял Аник за руку и вывел ее из-под арки.

— Разве ты не знаешь?

— Конечно, нет.

— Орехами тебя угощала женщина?

— Да, мы заходили в эту же дверь.

— Тебе все это приснилось. Женщина, с которой мы разговаривали, живет здесь только два года.

— И все-таки мы заходили в эту же самую дверь,— упрямо повторила Аник.

— Мы, мы, мы! — сердито крикнул Анри.— Кто это «мы»?

— Не знаю,— испуганно ответила Аник.

— Конечно, ты не знаешь,— согласился Анри более мягким тоном.— Ты грезишь. По твоим словам, женщина, которая открыла нам дверь, угощала тебя сладостями, а она утверждает, что живет здесь всего два года. Ты была здесь два года назад?

— Нет.

— Вот видишь! — Анри отвернулся и зашагал так быстро, что Аник пришлось бежать, чтобы не отстать.

— Анри, что произошло? В чем дело? Почему у тебя такой вид?

Анри остановился, взял сестру за руки и взглянул в белевшее в полумраке лицо.

— Да ты плачешь, родная!

— Я не хотела идти,— всхлипнула Аник,— но ты заставил, а теперь сам же сердишься.

— Я не сержусь.

— Ты думаешь, что я все выдумала. Ты думаешь, что я лгу.

Анри повернулся и посмотрел на зияющий в темноте проход к дому № 65.

Аник прижалась к нему и взглянула в том же направлении.

— О чем ты думаешь, Анри? — тихо спросила она.— Что за история с этим домом?

— Хотел бы я знать! — вздохнул Анри.

В тот же вечер Анри отправился в «Клуб «Монмартр». Он был здесь только раз. Тогда при холодном дневном свете помещение произвело на него неприятное впечатление: стулья и столы составлены в кучу, по полу в лужах грязной воды ползали на коленях уборщицы. При дневном свете особенно бросались в глаза и дешевые драпировки, и аляповатые позолоченные рамы зеркал, и вульгарность обнаженных женских тел на стенах. Однако по вечерам искусно устроенный полумрак несколько преображал убогую обстановку заведения, подобно тому, как умелое освещение театральной сцены преображает задник и возникает стена с панелью, деревенский пейзаж или шикарная квартира дамы полусвета.

Метрдотель сразу узнал Анри и направился к нему той вкрадчивой, быстрой походкой, какая появляется у всех на свете метрдотелей, когда они замечают среди клиентов ошибшегося дверью мелкого торговца, или, может, таракана в супе, которого надо незаметно вынуть и выбросить. Он остановился около Анри и, делая вид, что обращается совсем не к нему, сказал:

— А ты зачем тут? Иди-ка к служебному входу.

Анри улыбнулся.

— Это почему же? Мне нужен столик.

Метрдотель удивленно взглянул на Анри. Разве не они столько раз сидели вместе за пивом в кафе через улицу?

— Невозможно, мосье, если вы не заказывали его заранее.

— Все в порядке, Эмиль,— посмеиваясь, ответил Анри.— Я зарезервировал столик.— И сложенный банкнот оказался в руке метрдотеля.

— Прошу прощения, мосье. Сюда, пожалуйста.

Он привел Анри к столику в углу, поодаль от танцевальной площадки, и пододвинул стул. Анри сел, а Эмиль, делая вид, что переставляет что-то на столе, наклонился и тихо спросил:

— Давненько я тебя не видел. Ты больше не работаешь в гараже?

— Нет. Выбился в люди.

— Вижу, вижу! Можно поздравить?

— Поздравляй. Ну, а тут как?

Эмиль пожал плечами.

— Неважно. По правде говоря, думаю смываться. Ты же знаешь нашего хозяина. Он и вообще-то человек тяжелый, а последнее время стал просто невыносим. Невозможно работать. Говорят, принимает наркотик, и, по-моему, так оно и есть. Наркотики ли, вино или то и другое вместе, но иногда он становится совсем диким.

— Вот как? А может, чего-нибудь опасается?

— Возможно. Закрывается в кабинете на ключ... Да что там говорить! В нашем деле чего не насмотришься.

Появились новые посетители, и Эмиль отошел, а Анри заказал официанту рюмку коньяку.

Он и сам не мог бы сказать, зачем пришел сюда и что ожидает от этого посещения. Он испытывал непреодолимое желание быть около Пуссина, видеть его и людей, которые приходят в ночной клуб.

Поведение сестры Анри еще не понимал. «Тут надо разобраться»,— думал он. Аник сейчас семнадцать, почти восемнадцать. Во время гитлеровской оккупации, в 1940 году, ей было пять лет. Возможно, она вспоминает (если это действительно воспоминание, а не фантазия) нечто случившееся еще до войны. Нет, это сомнительно. Слишком уж реалистичны ее воспоминания. Скажем, горестное чувство, вызванное отбитым у птички крылом, или девочкой у фонтана, воспоминание о том, что к двери нужно идти именно направо, вкус и аромат засахаренных орехов... И все это в какой-то мере связано с семьей Пуссинов, проживавшей в этой квартире еще до войны, то есть до рождения Аник. Отпивая коньяк, Анри снова почувствовал то необъяснимое мрачное предчувствие, которое испытывал каждый раз, когда думал об этой взаимосвязи.

Анри осмотрелся. Из-за раннего времени клуб еще не был переполнен, но уже можно было определить его клиентуру, в основном представленную американскими, английскими и бельгийскими туристами; за большим столом около танцевальной площадки сидела группа немцев. Они, видимо, отмечали не то свадьбу, не то день рождения, так как среди бокалов с шампанским стоял торт.

Над плечом Анри склонился официант.

— Вы не хотите пригласить к столу какую-нибудь молодую даму? Не очень-то весело сидеть одному.

Анри задумался. В самом деле, почему бы и нет? Ведь он пришел сюда кое-что разузнать.

— Пожалуй.— Он посмотрел на группу равнодушных и вялых девушек, сидевших за столом около возвышения для оркестра.— Мадемуазель Лоретта сегодня здесь?

— Немедленно пришлю, мосье.

Через несколько минут к столу Анри подсела до болезненности худенькая брюнетка с сильно подведенными глазами и ярко накрашенными губами на мертвенно-бледном лице.

— В чем дело? — спросила она, наклоняясь к зажигалке, которую Анри поднес к ее сигарете.— Вы ошиблись дверью, да? Поверьте, если бы я получила наследство, я все равно не стала бы тратить его здесь.

Анри казалось, что за ним с любопытством наблюдают все: и официанты, и женщины, и надушенные молодые люди у бара. Не совершил ли он ошибку, явившись сюда? Он попросил шампанского, и официант отправился выполнять заказ.

Анри подумал, что даже дирижер оркестра, поднявшись на свое место за пюпитром, бросил на него недоумевающий взгляд. Однако почти сразу же по знаку его руки оркестр загремел, звуки музыки подняли на ноги танцоров и бросили на площадку.

Анри повернулся к своей компаньонке.

— Я отсутствовал,— объяснил он.— Давайте скажем, что сюда меня привел порыв повидать друзей и узнать, что произошло тут в мое отсутствие.

Женщина недоверчиво улыбнулась уголками накрашенного рта.

— Да? Ну что ж, давайте вспомним. Марго и ее друг из Южной Америки поссорились, а потом снова помирились.

— Не ново,— усмехнулся Анри.

— Нет, конечно. Зато у нее появились новые сережки. Что-то сказочное, уверяю вас. Не иначе как с сапфирами. Да, ссориться с Марго — удовольствие весьма дорогое.

— А я что-то не вижу ее южноамериканца. Лоретта осторожно указала на него головой.

— Его столик вон там, у сцены. Торчит тут каждый вечер.

Официант подал шампанское. Пока он вытаскивал пробку и разливал пенившееся вино, Лоретта наблюдала за публикой, потом из-за бокала взглянула на Анри.

— Марго вас не интересует?

— Нет, а вот ее южноамериканец — да.

Женщина пожала плечами.

— Видите ли, я ничего о нем не знаю, но

если бы и знала, ничего бы не стала рассказывать. Лучше ничего не знать.

— А правда ли,— наугад спросил Анри,— что он тут занимается кое-какими делами?

Женщина снова пожала плечами.

— А вы как думаете? Служащие, пусть даже крупных магазинов, не в состоянии дарить своим любовницам сапфиры. Послушайте, Анри, я ничего не знаю. Если бы вы мне не нравились, я бы и того вам не сказала.

— Он партнер Пуссина?

Лоретта посмотрела на него сощуренными глазами.

— Откуда мне знать? Не проявляйте такого любопытства. У меня и без того достаточно неприятностей, и я не хочу оказаться в Сене.

— Понимаю.

Анри рассеянно наблюдал за парами тесно прижимающихся друг к другу танцоров. Музыка прекратилась, и танцоры расселись по местам. Анри видел, как к своему столику прошел южноамериканец, как угодливо согнулся перед ним метрдотель и как южноамериканец нетерпеливо щелкнул пальцами, поторапливая официанта, спешившего к нему с шампанским в запотевшем ведерке. Да, подумал Анри, но какое ему дело до этого человека и до того, чем он тут занимается? Пусть им интересуется уголовная полиция.

Анри посмотрел на посетителей. Обычные лица, достаточно вульгарные, хотя, возможно, сама обстановка заставляла их казаться такими. Среди присутствующих он увидел и хорошеньких, модно одетых женщин, однако в большинстве тут были пожилые провинциалки, несколько раскормленные, как и их кавалеры. Видимо, они принадлежали к тем, кто верил, что провести вечер за шампанским в не совсем приличном месте и есть «повидать Париж».

Сидевшие за большим столом немцы уже опьянели. Один из них пытался заставить выпить шампанского сидевшую в конце стола блондинку в нелепой прозрачной шляпке. Вероятно, это была невеста. Вино лилось ей на платье, и она визгливо хохотала.

Затем веселящуюся компанию заслонил от Анри новый посетитель. Он остановился взглянуть на свадебную пирушку и в конце концов уселся за столик поблизости от Анри. Это был полнеющий шатен лет тридцати с лишним, с тщательно завитыми и зачесанными назад светло-каштановыми волосами и красивыми голубыми глазами под пушистыми ресницами. Он поднял руку, чтобы достать из внутреннего кармана смокинга портсигар, и на запястье блеснул золотой браслет.

Глуповатое, пухлое лицо его показалось Анри знакомым.

— Кто это? — тихо спросил он у Лоретты.— Я его где-то видел.

Лоретта взглянула на человека, перевела взгляд на своего собеседника и злорадно улыбнулась.

— Кто же, как не дружок мосье Пуссина! Приходит сюда почти каждый вечер...— Девушка наклонилась к Анри и зашептала ему на ухо: — Говорят, у него какие-то делишки с дирижером Льюисом. Забавно, правда? Наш хозяин сумасшедший, настоящий сумасшедший, и как-то вечером произошел крупный скандал.

Анри взглянул на дирижера, снова появившегося на возвышении, и заметил, что тот то и дело посматривает на человека с завитыми волосами. Он тоже посмотрел на эту напомаженную голову и, уловив на себе взгляд незнакомца, вздрогнул словно от прикосновения к оголенному проводу. Что он прочитал в этом взгляде? Незнакомец отвел глаза; Анри теперь видел только блестящие волны его волос, но тут же сообразил, что посетитель тоже наблюдает за ним в зеркале на противоположной стене.

Где он видел это лицо? Возможно, Лоретта права, он встречал его тут же, в клубе, однако Анри не сомневался, что не только здесь. Приятель Пуссина? И только сейчас Анри вспомнил фотоснимок, найденный им в машине Пуссина под сиденьем,— дешевую фотографию, сделанную, вероятно, где-нибудь на ярмарке, фотографию, на которой Пуссин был снят вместе с этим светлым шатеном.

Анри внезапно почувствовал, что ему не хватает воздуха. Шатен тем временем поднялся, пересек зал и скрылся за драпировкой, прикрывавшей вход в уборную. Анри поднялся.

— Я хочу переговорить с этим типом,— сказал он.— Вот.— Анри вынул из бумажника банкнот и положил на столик.— Если я не вернусь...

Под звуки фанфар на сцене появилась Марго в корсете, отделанном черными кружевами.

...Вскоре после полуночи в квартире Женэ раздался телефонный звонок. Женэ с трудом проснулся, спустил на пол ноги и некоторое время сидел так, прогоняя сон. Снова пронзительно зазвонил телефон.

— Иду, иду! — проворчал Женэ. Он прошел в прихожую и снял трубку.— Женэ слушает.

— Говорит Анри. Боюсь, я наделал глупостей. Я видел Альберта и позволил ему скрыться.

— Альберта? — ничего не соображая, переспросил Женэ, но уже в следующую секунду голова его прояснилась.— Что произошло?

— Я видел его сегодня вечером в «клубе «Монмартр». Теперь он не блондин, но я не сомневаюсь, что это Альберт. Он, должно быть, понял, что я обратил на него внимание, и отправился в уборную, из которой, оказывается, есть выход в холл. На одной из соседних улиц стояла машина Пуссина. Я успел только заметить, как он уехал.

— Номер машины?

Анри сообщил номер автомобиля и его приметы — светло-голубой «кадиллак». Женэ схватил карандаш, всегда лежавший рядом с телефоном, и записал.

— Где ты?

— В кафе напротив клуба, на углу бульвара Клиши и улицы Фроменти.

— Жди меня. Я сейчас же выезжаю.

Анри повесил трубку и вышел из кабины. В столь позднее время столики перед кафе уже пустовали, но ночные заведения были переполнены. К подъездам клубов непрерывно подкатывали машины, из которых вываливались группы людей в вечерних костюмах; из-за дверей вырывались оглушительные взрывы музыки.

Анри сел за столик и закурил. Отсюда он хорошо видел подъезд «Клуба Монмартр» и высокого швейцара в светло-голубой униформе. Он мог наблюдать и за узенькой улочкой, огибавшей клуб, и за тем выходом из нее, через который скрылся Альберт. Улочка была безлюдной, на ней стояло лишь несколько автомобилей.

Вскоре появились полицейские машины; одна остановилась поблизости от выхода в боковую улочку, другая почти перед кафе, где сидел Анри. Из машины неторопливо, с хладнокровием людей, привыкших к подобным операциям, вышли полицейские и незаметно, не привлекая внимания, направились в клуб.

Анри ждал, слыша лишь стук своего сердца.

Прошло еще немного времени, и появился Женэ. Он сел напротив Анри и внимательно выслушал его рассказ.

— Все время,— заявил Анри,— у меня было ощущение, что его лицо мне знакомо. Не сомневаюсь, что его я видел на фотоснимке вместе с Пуссином. Альберт или выкрасил волосы, или они у него со временем потемнели. Он стал полнее, но тем не менее я его сразу узнал.

— Что ж, будем надеяться, что он от нас не уйдет. В такой приметной машине...

— Да, да.— Анри с силой сжал кулак.— Во всяком случае, в машине он был один. Это я хорошо видел.

— А Пуссин...

— По-моему, он тоже из этой банды предателей. Сегодня мне рассказали, что всю прошлую неделю — после того, как начались аресты,— он был сам не свой. Может, он испуган.

— Скоро мы все узнаем.— Женэ встал, намереваясь отправиться в клуб, но остановился, услышав, как Анри каким-то странным голосом, будто через силу, произнес:

— Не забудьте, у Пуссина есть жена.

— Да, да.— Женэ с любопытством взглянул на Анри.— А в чем дело?

Коротко, деланно равнодушным тоном Анри рассказал комиссару о своем посещении площади Вогезов, умолчав, что во время второго визита с ним была Анник.

— Очень интересно! — воскликнул Женэ.

Анри промолчал. Он думал о маленькой девочке с волосами, завязанными сзади ленточкой, гулявшей со стариком... Хотя нет, тогда отец еще не был стариком. Высокий, очень приметный человек с горделивой осанкой...

Женэ долго смотрел на Анри, потом отвернулся, пересек улицу и вошел в клуб. Анри направился вслед за ним.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В тот вечер полицейским не удалось задержать Альберта. Примерно через час после того, как Женэ объявил розыск, брошенную Альбертом машину обнаружили около станции метро на восточной стороне Люксембургского сада; под подушкой переднего сиденья, там же, где оставил Анри, полицейские нашли фотографию в бумажнике из дешевой искусственной кожи, и это был их единственный трофей. Оставалось совершенно неясным, почему Альберт решил обойтись без машины: движение на подземной железной дороге прекратилось в ночное время еще до того, как он бежал из клуба. Всю ночь полицейские из специального подразделения обыскивали огромный безлюдный парк, но безрезультатно.

Пуссину едва не удалось скрыться — видимо, один из официантов успел его предупредить. Он задержался на несколько минут, чтобы достать из шкафа в своем кабинете чемодан с деньгами и документами, и это его погубило. Пуссин намеревался воспользоваться тем же черным ходом, что и Альберт, и столкнулся с полицейскими. С перекошенным от ужаса лицом он метнулся обратно в кабинет, захлопнул дверь и повернул ключ. Из кабинета доносились его бессвязные угрозы пустить в ход оружие, но полицейские мигом выломали дверь. Пуссин сидел, наклонившись над столом, и трясущейся рукой направлял себе в грудь револьвер. Однако он так и не решился спустить курок. Когда вошел Женэ, Пуссин трясся в истерике и рыдал. От него не добились ни слова.

Обслуживающий персонал клуба и его завсегдатаи сообщили при опросе некоторые не лишенные ценности факты. Человек, в котором Анри опознал Альберта, часто посещал «Клуб Монмартр». Он называл себя Мишелем Лоренсом и поддерживал близкие отношения с Пуссином, часто по вечерам привозил его в клуб на «кадиллаке». Иногда они отчаянно ссорились, причем в последней ссоре принял участие дирижер оркестра Льюис.

Женэ тщательно допросил дирижера. Вначале тот все отрицал, но когда его попросили объяснить, почему он не узнал в Мишеле Лоренсе разыскиваемого полицией Альберта, прямо-таки с комической внезапностью переменил тон и сделался необыкновенно словоохотливым. Да, он знал этого человека примерно с год и поддерживал с ним дружеские отношения. А почему бы и нет? Ему и в голову не приходило, что Лоренс вовсе не тот, за кого себя выдавал. Да, он видел плакаты с фотографией Альберта, но не находил ничего общего между ним и Лоренсом. Кстати, там указывается, что Альберт блондин, Лоренса же никак не назовешь блондином.

От Льюиса Женэ узнал адрес квартиры Лоренса на авеню Клебер — очень удобной и, пожалуй, даже роскошно обставленной. Дирижер не знал, на какие средства жил Лоренс, но всегда считал его человеком обеспеченным. О прошлом своего приятеля Льюис тоже якобы ничего не знает, хотя тот как-то упоминал, что всегда жил в Париже. Лоренс интересовался джазом, иногда у него на квартире они вместе слушали пластинки с записью джазовой музыки и именно на этой почве подружились.

О Пуссине Льюис, по его словам, слышал лишь обычные сплетни. Да, Пуссин часто бывал у Лоренса на квартире. Лично он, Льюис, ненавидел Пуссина, всегда считал отталкивающей личностью и как раз из-за него все реже и реже посещал Лоренса. Однако человек должен как-то жить, а «Клуб Монмартр» давал неплохой заработок, и потому Льюис не мог позволить себе такую роскошь, как ссоры с Пуссином.

О том, что Лоренс и Альберт одно и то же лицо, он ничего не знал, абсолютно ничего, да и знать не мог, поскольку познакомился с ним год — полтора назад в клубе. До этого Льюис и не заглядывал в Париж. Во время войны он служил на Тихоокеанском театре военных действий, затем несколько лет играл в различных ночных клубах Чикаго, а в 1950 году организовал собственный джаз-оркестр и приехал с ним в Европу.

У Женэ сложилось впечатление, что Льюис говорит правду. Он составил с его слов список лиц, посещавших Лоренса на квартире, по мере возможности уточнил адреса и отпустил дирижера, предупредив, что тот может понадобиться ему в любое время.

Начало светать, когда Женэ окончил допросы в «Клубе Монмартр». Он оставил у входа полицейский пост и разрешил измученному персоналу клуба разойтись по домам. За квартирой Альберта на авеню Клебер и за квартирами его друзей, адреса которых удалось узнать от Льюиса, было установлено наблюдение, как и за железнодорожными станциями, автовокзалами и аэропортами; все полицейские учреждения получили уточненные приметы Альберта. Пуссина увезли в тюрьму, а Брассар получил задание отправиться к мадам Пуссин и доставить ее в полицию.

По дороге в префектуру Женэ и Анри почти все время молчали. Их осунувшиеся, побледневшие лица выдавали крайнюю степень усталости. Уже в конце пути Анри заметил:

— Я доставил вам столько хлопот!

Женэ повернулся к Анри, намереваясь что-то сказать, но не успел, и машина остановилась перед префектурой. Он пожал плечами и вместе с Анри поднялся в свой кабинет, где его уже поджидал Брассар с мадам Пуссин.

В отличие от своего супруга мадам Пуссин не впала в истерику, держалась невозмутимо и спокойно. Каменный монумент со злобно бегающими глазками, она с трудом умещалась на стуле. На женщине, как всегда, было поношенное черное платье и шляпка с черной розой, прикрепленная булавкой к редким черным волосам. Почему-то казалось, что она никогда не снимает с себя этот наряд, что одежда пришита к ней, как к кукле, и что Брассар, явившись ночью, застал ее уже одетой и готовой следовать за ним.

Сделав вид, что не обращает на нее внимания, Женэ вполголоса перебросился с Брассаром несколькими фразами и стал просматривать папку с бумагами.

Анри прислонился к окну и стал смотреть на постепенно светлеющее небо и на медленно поднимающуюся вверх по течению маленькую яхту. У штурвала стоял человек в фуфайке. Как это, наверно, приятно — заниматься сейчас своим делом, вдыхать прохладный речной воздух, чувствовать, как слушается яхта твоей руки, знать, что предстоящий день не принесет ничего неожиданного, ощущать себя в мире с самим собой и со всеми остальными!.. Из кабины вышла женщина в брюках и в белой кофточке. Она встала рядом с рулевым, положила руку ему на плечо и подняла лицо к розовеющему небу. Почти бесшумно яхта проскользнула под мостом и скрылась.

Все еще не отнимая от рамы окна отяжелевшей головы, Анри слышал, как Женэ начал допрашивать эту чудовищную особу в нелепой шляпке. Что это даст? Хриплый и злобный голос женщины не оставлял сомнений, что она все будет отрицать и уж, конечно, тот факт, что когда-то угощала ребенка засахаренными орехами.

В ответ на вопрос Женэ мадам Пуссин заявила, что не знает никакого Альберта. Дружки мужа ей тоже неизвестны. Да, верно, в ресторане «Клуба Монмартр» хозяйничала она. Но кому же хозяйничать, если шеф-повар вор и скотина, как и метрдотель? За такими жуликами нужен глаз да глаз. Посетителями клуба она никогда не интересовалась, просто не имела времени.

Откуда у них появились деньги на открытие ночного клуба? Да, они долго бедствовали, но ведь иногда и бедным людям улыбается счастье. Она выиграла деньги в лотерее, но получила выигрыш не на свое имя, а на какое-то другое, сейчас уже не помнит.

Женэ заинтересовался тем периодом времени, когда она жила на площади Вогезов. Правильно, она работала консьержкой в доме № 65. Ну и что? Полиция может навести справки. Она служила там лет десять и не допускала ничего предосудительного. Вот Пуссин иногда не ладил

с жильцами — он ведь много пил. Так что из того? Мужчины — все они одинаковы... Жили они спокойно и замкнуто, никто их не посещал.

— Но все же сын-то у вас бывал?

— Чушь, мосье! У нас нет детей.

Помолчав, Жензэ спросил:

— Вы знаете человека по имени Мишель Лоренс?

Слегка повернув голову, Анри увидел, что Жензэ сидит без всякого выражения на худом, умном лице. Женщина настороженно посмотрела на комиссара.

— Нет.

— И он никогда к вам не заглядывал?

— Нет.

— Но все же вы знали, что он приятель вашего мужа?

— У мужа много приятелей.

— Он когда-нибудь упоминал это имя?

— Нет.

Жензэ долго и спокойно смотрел на женщину. Но вот он выпрямился, открыл папку и вынул из нее бумажник, найденный в машине Пуссина. Он раскрыл его, но, прежде чем протянуть через стол и показать мадам Пуссин фотографию, сам взглянул на нее.

— Узнаете?

Женщина посмотрела на снимок и поджала губы.

— Нет.

Не сводя с фотографии глаз, она отрицательно повела плечами.

— Здесь снят не ваш сын...

— Я уже сказала, у нас нет сына.

— ...который работал в магазине «Лувр»?

Женщина промолчала, однако губы ее дрогнули.

— Подумайте хорошенько, прежде чем ответить,— тихо посоветовал Жензэ.

Женщина метнула на него яростный взгляд.

— Этого человека я никогда в жизни не видела!

Уже совсем рассвело, когда Анри вернулся на улицу Жана Беллэ. Он думал, что отныне никогда в жизни не заснет, но, бросившись на постель, немедленно забылся в тяжелом сне и проспал много часов. Открыв глаза, он обнаружил, что Аник стоит у двери и внимательно на него смотрит.

— Я... что такое? Который сейчас час? — Он сел в постели и пригладил всклоконенные волосы.

— Первый час.— Аник робко вошла в комнату.— С тобой все в порядке, Анри? Я тебя разбудила?

— Нет. Со мной все в порядке. Галерея...

— Мама не велела тебя будить. А в галерею она поехала сама. Я слышала, как ты сегодня вернулся домой. Мы так беспокоились. Что произошло?

Анри спустил ноги с кровати и провел рукой по лицу.

— Будь добра, принеси кофе.

— Пожалуйста.

Аник отправилась на кухню, а Анри прошел в ванную комнату, умылся холодной водой и, взглянув на себя в зеркало, подумал: «Боже, настоящее пугало!» Он уснул не раздеваясь, сбросив лишь пиджак и галстук; в помятой расстегнутой сорочке, небритый, он действительно производил неприятное впечатление. Анри причесался и, возвращаясь в комнату, сразу вспомнил события минувшей ночи. Удалось ли схватить Альберта? Как дальше будут развиваться события, если он арестован?

Аник принесла на подносе кофе, горячее молоко и, поставив на столик, подошла к окну.

— Что произошло, Анри?

— Ну, еще кое-кого арестовали,— уклончиво ответил он.

— Но не того, кого зовут Альбертом?

— Нет. Во всяком случае, пока.

— Прошу тебя, Анри, расскажи.

Анри заколебался, сосредоточенно помешивая ложечкой, потом все же ответил:

— Полиция арестовала Пуссина с женой.

— Тех, что когда-то жили на площади Вогезов?

— Да.

Аник, сразу обессилев, присела на край постели.

— И потому ты был такой странный вчера вечером?

Анри промолчал, и Аник шепотом спросила:

— Что это значит?

— Не знаю, но ты выбрось это из головы.

— Нет, нет, не говори так! Мне бы очень хотелось вспомнить. Я и пыталась, но не могла.

Анри подошел к кровати, взял лицо Аник в руки и, наклонившись, поцеловал ее сначала в одну щеку, потом в другую.

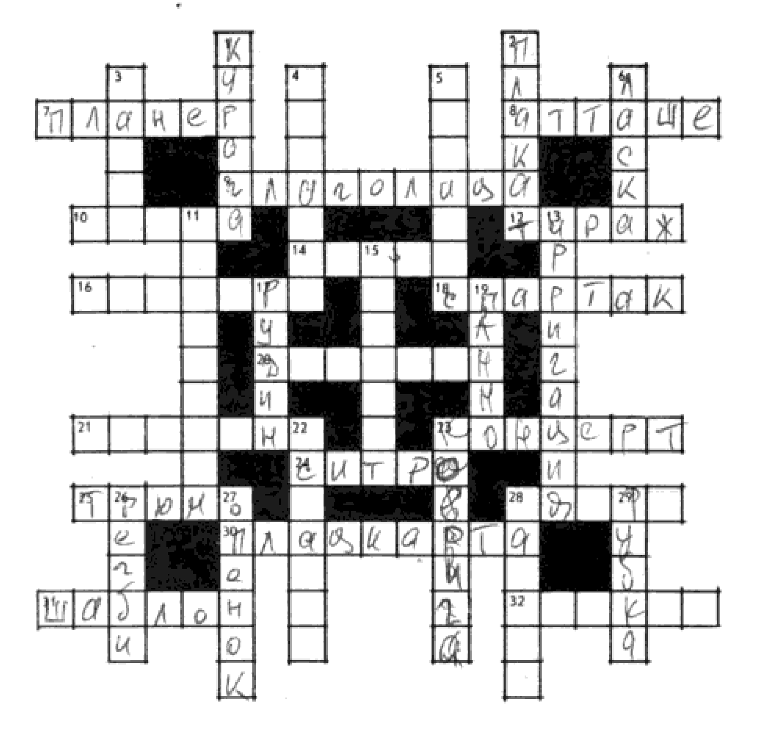
— А ты и не пытайся, дорогая. Иди по своим делам. Мне нужно кое-что сделать.

Анри допил кофе и позвонил Брассару в префектуру. Никаких новых известий об Альберте не поступало. Допросы Пуссина пока оказались безрезультатными: всякий раз он принимался рыдать и все отрицал. Тем не менее не оставалось сомнений, что он знал Альберта. На фотографии, найденной в его машине, мадам Рине и две ее соседки узнали человека, который был известен им в годы войны под именем Филиппа де Эйтвиля.

— Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки,— явно довольный, заметил Брассар.— Жензэ,— сообщил он,— уехал поспать.

Анри принял ванну и пошел к отцу. Морис Магрит сидел в глубоком кресле у окна, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Вся его поза выражала умиротворение, словно он наконец-то примирился со всем на свете, даже с приближением смерти.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Летательный аппарат. 8. Дипломатический ранг. 9. Азбука старославянского языка. 10. Изоляционный материал. 12. Количество экземпляров печатного издания. 14. Река в Тюменской области. 16. Артиллерийское орудие. 18. Балет А. И. Хачатуряна. 20. Созвездие северного полушария неба. 21. Морская рыба. 23. Музыкальное произведение для сольного инструмента и оркестра. 24. Питательный напиток. 25. Большое зеркало. 28. Приток Камы. 30. Проездной документ. 31. Образец, по которому изготовляют изделия. 32. Разновидность атома одного и того же химического элемента.

По вертикали: 1. Сушеный абрикос. 2. Вид изобразительного искусства. 3. Остров в Тирренском море. 4. Пьеса А. Н. Островского. 5. Армянский композитор. 6. Хищное животное семейства куньих. 11. Порт в Нидерландах. 13. Искусственное орошение. 15. Столица Кабардино-Балкарской АССР. 17. Роман И. С. Тургенева. 19. Часть стены, украшенная живописью. 22. Русский писатель. 23. Круглый хлеб. 26. Спортивная игра. 27. Гриб. 28. Пряность. 29. Помещение на судне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 7. Байдарка. 8. Автограф. 9. Писемский. 12. Комуз. 13. Марка. 15. Архив. 18. Марина. 19. Сапсан. 20. Лисичка. 21. Купала. 23. «Корсар». 25. Щецин. 26. Аорта. 29. Шихта. 32. Костяника. 33. «Проселок». 34. Ирландия.

По вертикали: 1. «Ларчик». 2. Мятлик. 3. Тарасова. 4. Сарема. 5. Барсук. 6. Калитина. 10. Кулинария. 11. Пропорция. 14. Регистр. 16. Палаш. 17. Осака. 22. Увертюра. 24. Астероид. 27. Оптика. 28. Тенгиз. 30. Войлок. 31. Чкалов.

На первой странице обложки: Выпускники профтехучилища № 27, ныне молодые рабочие Подольского машиностроительного завода имени Орджоникидзе (слева направо): токарь Александр Юткин, слесарь Евгений Ярморочкин, токарь Владимир Никишин.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: В зимнем лесу.

Фото Дм. Бальтерманца.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/XI-70 г. А 00504. Подп. к печ. 1/XII-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2471. Тираж 2 100 000 экз. Заказ 3267.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Вот он, звездно-полосатый флаг самой «демократической» страны свободного мира — Соединенных Штатов Америки. Таким увидел его художник. Таким запомнили его миллионы читателей журнала «Тайм». И владельцы этого солидного американского буржуазного издания, публикуя этот рисунок, ничуть не рисковали оскорбить ультрапатриотические чувства рядового американского большинства, потому что на глазах у него этот «свободный» мир, мир бизнеса и войны, расстрелял демократию.

Сегодня «молчаливое большинство» Америки прозрело. «Это не демократия, это фарс!» — говорят те, кто еще два года назад, в дни кампании по выборам на пост президента США, внимал речам и посулам кандидатов-конкурентов, обещавших привести страну к миру и гармонии. Вот эти обещания:

РАЗОЧАРОВАННОЙ ЧЕРНОЙ АМЕРИКЕ:

«Мы должны сейчас сосредоточить свои усилия на... укреплении негритянского сообщества изнутри, а также на достижении нового взаимопонимания между расами».

И ПРЕСЛЕДОВАНИЕ «ЧЕРНЫХ ПАНТЕР» [1], ПОЗОРНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД ВЫДАЮЩЕЙСЯ ДЕЯТЕЛЬНИЦЕЙ НЕГРИТЯНСКОГО И АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ АНДЖЕЛОЙ ДЭВИС ПОКАЗАЛИ, ЧТО КРОЕТСЯ ЗА ЭТИМИ СЛОВАМИ.

МОЛОДОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АМЕРИКЕ:

«Мы изменим мир — освободим его от бедности, голода, нищеты и несчастья».

И ВОТ ЧТО ПОСЛЕДОВАЛО ЗА ЭТИМ ПРИЗЫВОМ В СТУДЕНЧЕСКОМ ГОРОДКЕ КЕНТ [2].

МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ:

«...что касается будущего Азии, здесь Соединенные Штаты должны поощрять сотрудничество азиатов, принятие ими на себя ответственности, но это не должно носить характера союза США с этими странами — союза, требующего от нас вмешиваться всякий раз, когда начинаются военные действия».

И ЖИТЕЛИ НЕЙТРАЛЬНОЙ КАМБОДЖИ, ИЗГНАННЫЕ ИЗ СВОИХ ДОМОВ, УВИДЕЛИ ИСТИННЫЙ СМЫСЛ ЭТОГО «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЖЕСТА [3].

А буквально в последние дни конгресс США 91-го созыва, послушно проштамповав правительственные законопроекты об ассигнованиях на военные цели, довел общие расходы Пентагона до 74,5 миллиарда долларов!

На звездно-полосатом флаге «свободной» Америки начертан девиз — насилие, и под сенью его политические дельцы вершат «демократию». Демократию для белых и для черных. Демократию для внутреннего пользования и демократию на экспорт.

3

Портрет американской демократии нарисован с участием журналов «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Тайм», агентств ЮПИ и Ассошиэйтед Пресс.

ДЕМОКРАТИ

СТРЕЛЯЮЩИЕ

2

Я:

1

ШТАТЫ АМЕРИКИ

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.